

№ 1 О П И С Ъ

Бумагам, составляющим дело
о Подполковнике Поджио.

Число бумаг	На каких листах
1. Первонач. допрос снятый Ген. Адъют. Левашовым с подполк. Поджио ¹	на 1
2. Началь. вопросы от Комитета Поджио ²	на 2
3. Ответы его на оные (о воспитании)	с 3 по 11
4. Формулярный Список о службе Поджио	с 11 по 13
5. Вопросные Пункты Комит. ³ Поджио 17 Генваря	с 13 по 17
6. Ответы на оные	с 17 по 22
7. Французское Письмо 26 Генв.	с 22 по 24
8. Вопросные Пункты Комит. ³ Поджио 16 Февраля	с 24 по 28
9. Ответы на оные	с 28 по 34
10. Вопросы Поджио 3 Марта	с 34 по 36
11. Ответы на оные	с 36 по 39
12. Письмо Поджио 12 Марта к ⁴ Ген. А. Левашову	с 39 по 49
13. Допол. Вопросный Пункт Поджио 16 Апреля	с 49 по 51
14. Ответ на оный	с 51 по 53
15. Вопрос Поджио 21 Апреля и ответ его - Белая Листы	на 53 54, 55, 56

Военный Советник В а х р у ш е в || (л. 25).

¹ Слова «с подполк. Поджио» приписаны другой рукой.
² Слово «Поджио» приписано другой рукой.
³ Слово «Комит.» вписано над строкой.
⁴ Слова «к Ген. А. Левашову» приписаны другой рукой.

№ 2 (4) Копия с формулярного Списка, О Службе дне-
которой Высочайшим Приказом 31-го Марта 825-го Года, по
Выписана Из Списка представленного при прошении о увольнении

Чин, имя, отчество и прозвание, также какие имеет ордена и прочие знаки отличия.	Сколько от роду лет.	Из какого состояния, и буде из дворян, то не имеет ли крестьян, и есть ли имеет, тогда в каких селениях и сколько именно.	В службу вступил и во оной какими чинами происходил и когда.				В течении службы в которых именно полках и батальонах по переводам и произведе- ниям находился.			
			Чины	Года	Месяца	Числа	Полки и батальоны	Года	Месяца	Числа
Майор Александр Викторов Сын Поджио	27	Из Дворян, Крестьян за отцем его состоит Киевской Губернии в Черниговском уезде 400-та душ.—	С начала Подпрапор- щиком	814	Марта	1	Во вновь формировав- шемся Гвар- дейском резерве. Причислен Лейб Гвардии в преобра- женской полк	814	ав- густа	27
			Портупей Прапорщи- ком	815	дека	14	в оном Полку			
			Прапорщи- ком	816	октя	1				
			Подпорут- чиком	818	Июля	26				
			Порутчиком	820	фев.	1				
			Штабс капитаном	823	март	13	С Опреде- лением в сей полк			
			Майором	823	октя	30				

Подлинной подписал
Верно: начальник
С подлинным читал помощник Началь

провского пехотного Полка Майора Поджио,
домашним обстоятельствам уволен от Службы подполковником. —
его от Службы, от 30-го декабря 1824-го Года. — || (л. 25 об. — 26).

Во время службы своей в походах и в делах против неприятеля где и когда был, также какие награды за отличие в сражениях и по службе удостоился получить.	Российской грамоте читать и писать и другая какая наука знает ли.	В домовых охотушках был ли, и когда именно, на какое время, и явился ли на срок.	В штрафах был ли, по суду или без суда, за что именно и когда	Холост или женат и имеет ли детей.	В комплекте или сверх комплекта, при полку или в отлучке где именно, по чьему повелению и с которого времени находится.	К повышению достоинства или за чем именно не аттестуется.
Не бывал	По российски, по французски и по немецки читать и писать, географии истории и математике знает	818-го декабря от 18-го на 21/2 м-ца, 819-го на 21/2 м-ца и 822-го на 21/2 м-ца был и на срок явился и сего 824-го Года на 28 дней и по болезни на срок не явился.	Не бывал	Холост.	Состоит при полку в комплекте	Достоин

Подполковник Неелов 4-й
Архива Деларю
ника Архива Петров || (л. 15).

3 Восстание декабристов, т. XI

№ 126. Отставной подполковник Поджио.

Я знал людей соединившихся для искоренения вкравшагося зла в Государстве. Из числа оных упомяну *Пестеля, К. Абаленского, Барятинского, Сер. Муравиева, Матвея Муравиева, Никиту Муравиева, Крюкова, Юшневского, Майборода, Вадковского, Бестужева, К. Волконского, П.: Шейковского, Пущин, К. Трубецкой*¹, более теперь не упомяну.

Намерение оных было² низпровергнуть неограниченную власть и ввести представительное правление. — Средство достижения сего было распространение подобных мыслей, стараться достигать властей, а особенно получить влияние над вооруженной силой. — Я видел написанную Конституцию *Никит: Муравьевым, Пестелева* же не читал.

Не знаю какое время назначено было для провозглашения оной; но полагаю что сие было бы тогда как отросли получили³ достаточное пространство. — Я не присутствовал при учреждении управ почему о всех не знаю. *Пестелева* была в Лянце, *Муравиева* в Василькове, *Ник:* *Муравиева* в *Петербурге*, а прочих мне неизвестно. Я знал что сообщение было с Польшею чрез *Бестужева* и *Серг:* *Муравиева*, но с кем их || (л. 15 об.) было сношение мне не сказано. — Я слышал тоже о⁴ связи с Грузиею чрез *Якубовича*, о чем говорил мне *Пестель*.

В Варшаве, мне говорили, есть общество весьма сильное, но положительно о сем ни чего не знаю, и кажется о сем⁵ мне сказывали⁶ *Пестель, Муравиев* и *Бестужев*. О последних действиях сих лиц я не знал по причине моей болезни⁷, отдалившей меня от оных. Сверх вышепоказанного естьли что припомню готов показать и на все вопросы⁸ скажу все что знаю. —

Отставной Подполковник Поджио⁹

Генерал Адъютант Левашов¹⁰. || (л. 16)

№ 4 (2)¹¹

Высочайше учрежденный Комитет требует от *Подполковника Поджио* кровенного показания:

1.

Как ваше имя и отчество и сколько от роду лет?

¹ Слова «Пущин, К. Трубецкой» вписаны на нижнем поле л. 15.

² Далее зачеркнуто: «вести».

³ Далее зачеркнуто: «бы».

⁴ Далее зачеркнуто: «сношении».

⁵ Далее зачеркнуто: «говорили».

⁶ Слово «сказывали» вписано над строкой.

⁷ Далее зачеркнуто: «и дальнего отсутствия».

⁸ Далее зачеркнуто: «мне здесь».

⁹ Подпись сделана А. В. Поджио собственноручно.

¹⁰ Все показание написано генерал-адъютантом Левашовым.

¹¹ Точная дата документа не установлена, поэтому он занимает то место, которое имеет в деле.

2.

Какой веры и каждогодно ли бываете на исповедании и у святого причастия?

3.

Присягали ли на верное подданство ныне Царствующему Государю Императору?

4.

Где воспитывались? если в публичном заведении, то в каком имянно, когда и куда из онаго были выпущены? и ежели у родителей, то кто имянно были ваши учителя и наставники?

5.

В каких предметах вы старались наиболее себя усовершенствовать, или приготовить? || (л. 16 об.).

6.

Не слушали ли сверх того особенных лекций, в каких предметах наук, у кого, когда и где имянно?

7.

С которого времени и откуда заимствовали первыя вольнодумческия и либеральныя мысли т. е. от внушения ли других, или от чтения книг, и каким образом мнения сего рода в уме вашем укоренялись?

8.

Когда вы вступили в службу, где и каким образом продолжали оную и не были ли за что либо в штрафах или под судом, когда и чем дела были окончены?

Генерал Адъютант Чернышев || (л. 17)

№ 5 (3)

Высочайше учрежденному Тайному Комитету честь имею представить следующие пояснения:

1.

Мое имя и отчество: Александр Викторов сын; от роду мне 28 лет.

2.

Я Римско-католической Веры. Лет несколько не был на исповеди. В темнице, лишь при раскаянии моем исполнил мой долг христианской!

3.

На верное подданство ныне Царствующему Государю Императору не присягал.

4.

Я воспитывался в Одесском Институте существовавший¹ еще при покойном Дюке де Ришелье. Сие училище относительно к наукам и к получаемому в нем, образования ума и нравственности, было самое ничтожное. Я, 12 лет достиг успехами моими высший класс. Как бы не развивались в двенадцати летнем юноше, преждевременные дарования, однакож трудно и невозможно, предполагать в нем те уже созревшие способности и необходимые для введения в высший его науки; и потому легко из сего можно усмотреть что хотя оныя науки и были преподаваемы, но вовсе не соответственно их цели. 13 лет, покойный Родитель мой меня взял из Института, с намерением отвезти меня в Пенсион к Иезуитам, для усовершенствования моих наук; но смерть постигшая его, воспрепятствовала сему моему назначению. До 16-го Года моего, я пробыл дома при матери моей, не имея уже учителей. Здесь, я занимался только тем чему учился, и потому преуспеваний в науках ни каких не делал. На 16-м Году отправился в службу.

5.

13 лет вышедши из под рук учителей и наставников, мое воспитание не имело никакого коренного направления, и потому особенными предметами не занимался, и ни к чему себя не готовил. — Математика и История были предметы коими я более всего занимался. || (л. 17 об.)

6.

Поручиком уже Преображенского полка в 1820-м Году, когда возродилась страсть моя к учению, ездил неоднократно в Академию слушать Профессора Куницына, в преподавании им публичных лекций естественного права. Не имея однакож всегда свободное время, пропускал многия лекции, и потому полного курса не слушал. В преподавании сего права, в разсуждениях своих, не замечал я чтоб он отклонялся от оригинала, изданного им творения о сей науке. Взяв статью, он ее распространял, излагал сколько мог яснее, но в духе статьи всегда печатанной и ни сколько от онаго не отклоняяс.

¹ Так в подлиннике.

На щет сего показания, прошу Высочайше учрежденного Комитета удостоить меня терпением и извинить меня естли может быть я с лишними подробностями изложу нижеследующее.

До 1819-го Года все сии мысли мне были чужды, равно как и все что только требовало занятий и размышлений. В 1819-м Году начался мой ропот, а с 1820-го Года первоначальное мое вольнодумство. Сношения мои со многими из членов, способствовали к сему; в сих сношениях однакож, я усматривал не одно негодование, не одно роптание но и устремление понятий и занятий их, к исследованию худого и лучшего. Сравнениями предметов, человек познает и определяет цену им; — но прежде сего, необходимо ему изведать сущность и свойства предметов сих каждого порознь, чтобы не впасть в сравнении одних с другими, в заключения неосновательныя и часто, не относясь к предметам сим, стал вникать, обращать все внимание к ним, и напрягать все усилия к познанию всего, что счел я нужным чтоб не отставать в благомысленных прениях тех людей, коих одних стал изыскивать мнение о себе. Таким образом я стал отклоняться от общества, сближаться с людьми, с мнениями и с целью общества тайного || (л. 18). С сим предубеждением уже, взялся я за учение всего что только мог, и тут книги возымели свое влияние над умом, получившаго уже *направление*. Политическая экономия, права, одним словом все что касается до составления и управления общества вообще, все его я пожирал с умом жадным и любопытным. После сего перешел я к управлению Государств каждого порознь, стал вникать в образ правления каждого из них, для чего и прибегнул к Делолму, Констану, Филанжиери, и прочим. Предубежденный уже, впал в сравнения и тут стал убеждаться в необходимости видеть и свое отечество, как бы каким волшебством стать на ряду с просвещеннейшими народами! Обратил внимание к политике тех времен; — увидел время, где дух преобразования взволновал народы. Испания, Неаполь, Пиемонт Греция в след одни за другими, приняли образ свободного правления; с тех пор Журналы с рук моих не сходили, и я, с величайшим вниманием следовал до малейшего происшествия. Следовал все прения палаты депутатов во Франции, и всем суждениям издателей *Constitutionnel* ²; не упускал ход англичского парламента, одним Словом я был в духе тогда Монархического представительного Правления. Скажу к сему что при желании моем введения сего образа правления в Росии, я ни сколько тогда еще не помышлял в содействии а еще менее ³ в возможности какого нибудь у нас возстания; но стану продолжать с тоюже откровенностью, дабы пояснить Высочайшему ⁴ учрежденному Комитету каким образом сии мысли изменялись и по мере оных изменялись и правила мои! Изложением изменений понятий моих, представится и образ изменений понятий и общества в целости своей. Знаю весьма сколько причины ниже поясненные, не будут клониться ни к оправданию моему и всех, и ни к той необходимости прибегнуть к тем средствам кои мы избрали

¹ Слово «тем» вписано над строкой.

² Франц.: «Конституционалист».

³ Первоначально: «более».

⁴ Так в подлиннике.

к достижению нашей цели; — но стану говорить¹ в моем прежнем духе, и говорить о негодованиях на коих мы основывали наши виды. Вот те виды в коих я и мы все, представляли Россию. После трех летних компаний Россия хотя и увенчанная славой, хотя и получившая || (л. 18 об.) в Политическом отношении первостепенное² место в Европе, однакож относительно гражданскому ея положению, являла еще черты бо́льшие³ своего изнеможения. Следы опустошительных громад Наполеона как то: созание Москвы, понесение убытков дворянством, купечеством а более еще крестьян утративших все движимое их имущество, одним словом всех сословий усилия и пожертвования всякого рода, к предохранению Престола и чести народной, от покушений вторгнувшегося врага в недры России, все сие казалось достаточным к обращению внимания на то нашего правительства. Дух завоеваний изчезнувший с падением Наполеона, не усматривали⁴ нужды в увеличении войска; ожидали мира, отдохновения, с сим уменьшение налогов, и улучшение всех гражданских отраслей правления. Вот как говорили мы о надеждах России; вот к чему приписывали потом³ ея ропот и как толковали о нем чтоб убеждать себя в необходимости прибегнуть к тем незаконным средствам кои мы избрали к достижению нашей цели.

В 1815-м Году появление Наполеона вновь во Францию понудило Правительство наше к принятию мер решительных и для того вся армия равно и гвардия приведены были к движению; — вновь рекрутской набор, вновь издержки увлекающие за собой всякое приготовление к походам дальным и к войне. Все сии меры усмотрены как лишними ибо достаточно было при истощении уже Франции сил Англии и Пруссии чтоб разрушить все замыслы и последнии⁴ Наполеона. В том же Году Венским Конгрессом часть Польши решена; Польша получает Политическое существование и Корона ея увенчала Главу Венценосца России! Присоединением Польши к России, на конец положена преграда, от искони существовавшим распрям между сими двумя Державами; — но покойный Государь дарует ей конституцию и сие мы не без ревности усмотрели! В речи произнесенной при даровании сей конституции есть слова оскорбительныя для духа народного нашего! К сему времени || (л. 19) я отношу начало либеральных мыслей и составление Союза благоденствия. К 1817-м Году я отношу мысли первыя на покушение жизни покойного Государя, с тех пор уже хотя и глухо но носились по буйным головам. С тех пор пошло распространение либеральных мыслей — осуждение всех мер Правительства и превращать оныя как насильственные; — с того времени, начали обращать внимание многих на ход дел наших Политических и Гражданских. К первым, приписывали небрежение последних; — к первым, приписывали все меры не сообразныя с пользою Государства, как то: увеличение войска, поездки частыя Покойного Государя на конгрессы; к первым приписывали также и основание военных Поселений. — В 1819-м Году в 1820-м много Говорили и не одни мы, о жестоком усмирении Чугуевцов. В 1820-м году дела Испании занимали многих. — Письмо Квируги к Королю носилось по умам; — Последование сему Неаполя, Пиемонта и Греции, также возмутительными их делами, манили внимание многих. — но сие не было дело общества, а скажу самого Правительства. Правительство наше, обратившее все свое внимание к делам политики внешней, сим самим и увлекало внимание и наше. Здесь усматривал каждой, участие Правительства нашего в принятии мер, к со-

¹ Слово «говорить» вписано над строкой.

² Так в подлиннике.

³ Слово «потом» вписано над строкой.

⁴ Так в подлиннике.

противлению распространения духа переобразования, а с етим, и *рассматривал и свойство сего духа*. Не мы одни, говорили о долговременном отсутствии покойного Государя; было весьма много и истинно благомыслящих людей, кои вздыхали по долгому пребыванию Его в Тропау и Лайбахе; и как усматривали с горестью что внешние дела Политические во все до России не касавшиеся, отклоняли Государя от внутреннего управления России, и что все дела и в особен- || (л. 19 об.) ности Гражданския, производились с величайшею медленностью; — усматривали также не мы одни, сколько сия Политика обременяла Россию налогами; ибо для поддержания сей Политики Покойный Государь объявил на конгрессе, что многочисленность его войска, не имеет другой цели как предохранение прочих государств, от возмущений внутренних. Усматривали необходимость нового заема сорока миллионов рублей. Скажу лично о себе, что усмотрено было и не мною одним, что ничто меня столько ¹ не оскорбляло как явное сие господство и влияние Венского Кабинета над нашим! Сколько сей Кабинет, управляемый величайшим дипломатом нашего времени, не преуспевший на Венском Конгрессе в намерении не соглашата на присоединение Польши к России; устрешенный силой нашей и опасаясь ея; как искусно преуспевал в той цели, чтоб дать направление сей силе безопасное для него. — сколько не преуспевал в намерении, внешнею сею Политикою ослабевать Россию, и ввергать ее может быть к тому чему мы стремились. Довольно известно, всегдашнее покровительство правительства нашего к единоверцам нашим угнетенным Грекам. Со времен еще Императрицы Екатерины второй, сие покровительство не прерывалось по 1820-й Год. Сколько Венской Кабинет не убоачивал в отклонении Министра Каподистрия от управления дел ², и всякого вторжения сил наших в Турцию, опасаясь при огромных силах наших, *завоевания ея!* Завоеванием ея, сколько не усмотрено было сим Кабинетом, что торговля наша южная, от упадка своего со времен возстания греков, перешла ³ к самому цветущему положению, господствованию, ни чем уже не заграждающего над торговлею всего Востока! Помню весьма сколько не мы одни, когда в 1821-м году последовало движение одному Корпусу за границу; когда ⁴ приведен был 6-ой Корпус в наступательное положение и двинулся к границам || (л. 20) Турецким, Гвардии назначен был поход, помню очень какую цель в ⁵ то время, все давали сим приготовлениям — так невероятна была для нас Политика вовсе не отвечающая ожиданию всех. Сим ожиданием мы изъясняли увеличение армии и обращение правительства в усовершенствовании ея одной! Но в 1821-м и 22-м году а более в 23-м убедились все в истинной цели содержания столь многочисленной армии; — усмотрели что виды до 1820-го Года существовавшие в Политике нашей относительно к Турции, переменились — что отзывы неоднократные нашего Кабинета, были отринуты оскорбительно для чести Престола нашего, Гордыми Оттоманами; что ни какие выгоды Государства, Правительство наше не увлекали в объявлении им войны. Усмотрели поуждения нашего Правительства, Франции к усмирению Испании; не мы одни предполагали что сия политика поглащала государственную Казну. Сколько Армия многочисленностью своею обременяла Россию усматривали из мер правительства, распускать 3-ю часть войска по отпускам — Не я

¹ Слово «столько» вписано над строкой.

² Слова «от управления дел» вписаны над строкой.

³ Слово «бы» вписано над строкой.

⁴ Слово «когда» вписано над строкой.

⁵ Первоначально вместо предлога «в» было написано другое слово, потом густо зачеркнутое [предположительно: «вела», отчасти переделанное на предлог «в».

один может быть более вникая другого, усматривал в сей мере степень непредвидимого положения нашего. Я сам был очевидцем того, что насильно солдат отправляли в отпуск для составления числа отпускаемых, ибо часто сей солдат не имея пристанища у себя, вдавался к прощению подаяния или что хуже в дела не отвечающие нравственности! Я сам был раз свидетелем в 23-м Году Когда рядовой один в мундире с медалей на груди пришел к помещику просить чего же — хлеба! Я был сам в мундире и признаю мне горько сие было! Говорю о сем, чтоб пояснить каким образом мы сливали действия ¹ обременительной для нас Политики, со всеми обстоятельствами внутреннего управления. Сими мерами мы поясняли небрежение правительства к благоденствию внутреннему России; сими мерами мы поясняли степень растройства финансов наших; — сколько злоупотребления по винным откупам и чрез то ущерб казны, не давали нам причин к негодованию? Но мы, недовольствовались сим, а убедились в необходимости не предвидя благоприятного конца, прибегнуть к незаконным средствам нашим! Здесь, отклонение наше явное уже от пользы государства || (л. 20 об.) нашего; Здесь зло-ибо тут уже возымели цель врачевать Россию от язв ея. Здесь, уже в приминении вещей при введении их, отклонились от чувств истинных к Отечеству своему, покушая на цель, не сообразную ни с степенью просвещения народа нашего; ни с обширностью государства нашего, ни с собственными нашими обязанностями относительно обществу, а что еще более добродетели Святой! В 1822-м Году разрушилось благоденствие — но цель оставалась — люди разделившиеся по существующим всегда между людьми видов частных честолюбия, оставались при своих мнениях. К 1822-му Году я отношу мысли и начертание Республики Пестеля и намерение его при возобновлении общества дать цель ему введение сей Республики. К концу сего Года, я отношу начало моего убеждения в приготовлении себя к содействию Общества — ибо я усматривал по сношениям или по приездам Давыдова и Волконского возобновление оного. В 1823-м Году, я вступил в оное и признаться должен что его был год, в котором по пылкости ума моего и неусмотрения еще сих дел, я устремил все мои понятия и дела к содействию. Тут также самолюбие было мое, приведено в действие; на меня возложено было привести петербургскую управу к возобновлению и содействию поспешному; — следуя всей политике нашего правительства, — видя Францию при своем представительстве не устоявшую против власти королевской, видя ниспровержение Конституции в Испании и предвидя все те мятежи, к коим сие произшествие ея клонило — видя цель уже не тайную Священного Союза столь для России одной невыгодною, и при понятиях уже носящихся о Республике, я принял ее за цель также свою — *принял* также цель и преступной меры преступления и не одним!.. Так *принял* — подтвержу сие последним вздохом моим! Богу известно кому она принадлежит и каким образом predetermined была и как распространилась. Но я сделался тогда твердым ея приверженцем. Сношения мои ² с многими из членов сего мнения а в особенности Матвея Муравьева, Валерияна Голицына люди голов, не менее бурных || (л. 22) моей, занятия мои всечастныя всего что только касалось до Политических и гражданских дел Европы, а в особенности отечества моего и при всем моем соревновании быть полезным, при ложных моих и преступных убеждениях, все его меня воспомяло и вселяло дух переобразования, необходимого как я считал для России! Таким образом я отправился из Петербурга и тут, уже говорил но уже без всякой надежды, чтоб когда

¹ Слово «действия» вписано над строкой.

² Слово «мои» вписано над строкой.

нибудь дело наше могло иначе состоятся ¹, как гибелью собственной нашей! В 1824-м году в Киеве уже я говорил что в Петербурге ничего нет и не может быть — с того времени мои занятия были всегда те же — меры правительства не переставали возражать мои скажу роптания — но твердил и уверял всегда что дело наше и сверх сил, и времени, и всякого вероятия. — Свидание мое с Пестелем меня воспламенило но не сему ли уже Пестелю до сего говорили что дух уже переобразования во мне гаснул; — помню что я даже о сем говорил Капитану Майбороде но что свидание мое с Пестелем после его поездки в Петербург и изложение мнимой нашей силы, опять возобновило тот же дух; — но где после сего в делах моих доказательства что сей дух в той же степени волновал меня; — я подал в Атаставку, я который знал что с прежней моей отважностью был необходим для начала действия, я который пылал прежде сим желанием! Весь 1825-й год провел я в самых несоответственных сей цели занятий моих. Видел людей — видел частныя виды, видел все, более всякого скажу! — В Октябре месяце тогоже года хотел ехать в Берлин а оттуда Богу известно куды оставя Мать, родных отечество мое хотел направить путь далекой мой. Я оставался при сих моих намерениях когда по случившихся обстоятельствах опять я запылал. — Не зная дела Петербургского мятежа — не зная и не сомневаясь даже чтобы сие могло быть действие нашего || (л. 22 об.) общества, и при том и до сего еще видя постигшия арестования многих и как слышно было и не касавших до дел общества; я приписывал сие жестокому гонению а потому и гибели всех, и что еще более наставшего времени лютого для России! Потому то я запылал, предлагал возстание но кому, К. Волконскому! но сие, я не столько приписываю к вине своей, сколько все мои неистовыя при сем убеждения. Слова а в особенности как то о намерении моем привести, Все общество к действию и о покушении на преступление о коих говорил. После, уже и поздно увидел что все сии мнимыя гонения были тою твердою и спасительною мерой принятой Государем Императором нашим к спасению России и нас самих! Его Императорского Величества долготерпением приведены мы все в раскаяние, и Великодушным производством суда Нашего, приведены были ко всем чистосердечным показаниям нашим! Пояснением сего, поясняю и те чувства все, одушевляемые меня и ручаюс [за] всех тех, кои имели злополучие впасть в наши преступныя умышления!

Изложив Высочайше учрежденному Тайному Комитету, каким образом мое вольнодумство возымело свое начало, каким образом оно изменялось по мере возраставшихся моих роптаний и заблуждений; — представив краткое обозрение главных причин моих и общества целого на коих основывали так сказать необходимость наших беззаконий к отвращению власти сделавшеюся чуждою управления России в отношении ея Гражданского образования, я думал тем пояснить каким образом составляются дела подобные нашим, и каким образом Отечественное наше Правительство, может усматривать как роптывые мнения носились и вне общества. Скажу, ибо говорю Высочайше учрежденному Комитету, что вольнодумства, *не было* в России вне общества нашего, но был ропот. Но какое разстояние, одного от другого! Ропот в особенности при духе народа нашего, есть моление ² || (л. 21) лучшего и всего — Вольнодумство кичится, подымается и все ниспровергает! Первое, конечно получает большую степень, от степени образования народа; — второе есть действие страстей, которые и среди необразования, могут иметь свои начала, в людях, неумеющих обуздывать

¹ Далее одно слово густо зачеркнуто.

² Далее зачеркнут предлог «к».

себя среди волнений первых! Прошу Высочайшего учрежденного Комитета выслушать сии мои понятия в пояснение моем не от книг или слушания лекций я получил свое вольнодумство?

Какое бы высшее образование человек не получал, какое бы все понятия и способности его не получили распространения, естли к сему получил он образование души, и нравственности, получил коренныя познания о истинне: тогда ручатса смело можно, что человек этот не впадет в ту бездну, куды увлекаются люди те, которые при образовании ума имеют недостаток, в основательной нравственности, сего оплота необходимого против буруемых нас пагубных страстей. Тогда, образование получает двойное свое значение — то есть: познается по направлению ума к хорошему или худому; — вот вся тайна ввергающая человека к цели добродетельной или порочной! опасно, человеку не получившему никакой нравственности, давать книги заражающия ум и душу но сколько сие опасно, все еще не значительно против той опасности к коей человек сей подвержен, когда он впадает в круг людей кои по внушению своему тогда вселяют в него всего того, что кажется нужным в употреблении его к достижению цели их! Сего то рода внушения и совращения делаются грозными, в изкоренении ими, добродетельного и связей общественных. Тогда, уже нечего ожидать от того человека; при книгах и без книг, при учении и без учения, он все темже останется уже *направленным* человеком или способным к тому¹. Тут уже есть ли чему и учился; то даст ему свое истолкование; а естли принимается за ученье, то уже с предубеждениями, и потому уже с отклонениями от безпрестранного суждения своего! Какие могут произтекать истинны после сего с нею противоположного расположения ума? И так, не столько учение, чтение книг вредны, сколько вредны люди хотя скажу и при- || (л. 21 об.) отличнейших дарованиях и способностей своих, однакож при всем уме, не умели дать им направление согласное с понятиями народа нашего; не умели сообразовать виды свои, с духом нравственности своей, а более с нравственностью народною, с сим непреоборимым раннем или поздном отпоре всякого беззакония! —

Книги образуют ум; — но одне оне, ума не восполяют; человеческия страсти не разжигают; человека не совращают; человека не увлекают в отклонении его от обязанностей гражданских; а что еще более в нарушении всех добродетелей общественных, на коих зиждется благо всех народов! Сколько людей среди нас, не получивших того образования, которые ничего не читали и книг новых времен умом своим не *пробегали*? Сколько опять людей весьма образованных, не менее нас понимающих и Сея и Бентама не менее нас занимающихся Политическими делами не менее нас понимают что есть дух переобразования! но почему сии самые люди не покушались на наши дела? Конечно ропот человека образованного будет основательнее и убедительнее человека невежды; — но ропот не вводит в ² беззакония. В каких мы книгах нашли убеждение необходимости введения имянно республиканского правления; — сего безпримерного еще образа правления, относительно к народонаселению, духу разноплеменных наших народов, и обширности Государства нашего? В каких книгах почерпнули ту неистовую необходимость, прибегнуть к тем умышленным преступлениям? Какие летописи народныя могли мы применять к летописям нашего народа? какие преобразования правления ³ Государства могли мы применять к пере-

¹ Слова «или способным к тому» вписаны над строкой.

² Предлог «в» вписан над строкой.

³ Слово «правления» вписано над строкой.

образованию правления нашего Государств[а], чтоб убедиться в необходимости подражательной? Нет все дело наше, есть наше; имеющее отпечаток совершенно отличительной от всех прочих могущих входить в сравнение с нашим! Ужели читая какого ни будь Вордена могли мы от него заимство- || (л. 23) вать убеждение и в России ввести Республику подобную той, о которой он говорит. Соединенным штатам многосложность служит силой и оплотом — мы сего избегали опасались чтобы введением федерального правления, Государство наше не распадалось на части — там Жителей девять миллионов, у нас сорок; Там переселенцы Англии, у нас Россияне! сравнить ли средства их переобраз[ов]ания с нашим мнимым? Там месть направлена была к врагам внешним, а мы врагов искали среди нас; — Там отвращали зло, мы его призывали; там зло добродетельми искупали, — мы зло злодеяниями манили! где сообразность где сравнение? Конечно из книг почерпнули все уложения, суд присяжных, и тому подобное, но мысли о возмщении, решимость, отважность, вот его, как показать, изтолковать, как не тем, что все его возымело свое начало не от книг, но в сердцах наших, среди всех страстей их бурюемых! Вот гнезда где гнездились все замыслы, откуда они нисходили с пожирающим их пламе[не]м!

Изложив сии мысли я думал нужным пояснить откровенно что не столько чтение книг и образование ума вводят человека в ложные заключения а через то часто в несправедливое избирание цели своей жизни, сколько худое направление ума, сколько способствует сему, более внушение, и частым обращением с людьми наших прежних свойств; по направлению их человек делается слепым орудием их воли. На то есть средства, — средство прибегнуть к возбуждению страстей; — страстями возбуждаются страсти, и как бы человек не был сведущ и образован, но естели за сию тонкую струну взять его нельзя, то есть: естели нравственность его тверда, получила непоколебимое основание и вкоренилась в нем, то ручаюсь что никакия обольщения || (л. 23 об.) ни ума ни книг не совратят его¹. К сему недостатку я приписываю все бедствия не токмо наши но и все человеческия. Вообще молодые люди получают воспитание ученое, твердят суесловие на разных языках; положим, образование ума хорошо получают; но образование души, свойств ея, исправление воли, обуздывание страстей наших делается второстепенным и даже скажу и вовсе небрежным предметом для² наставников юношества, в преподаваемом ими воспитания. Не редко сии самые мысли мне приходили на ум и вероятно не мне одному, но мысли подобно моим раз уже вкравшиеся и вкоренившиеся, не мыслями изгнаны; а необходимым, каким нибудь переломом в жизни, где уже зло, не умственное, а положительное познание делается для человека!

8.

Я вступил в службу в 1814-м году Марта 19-го числа определился я в сформированный резервный батальон Преображенского полка, находившийся под Модлином. По 1823-й Год служил в Преображенском полку а с 1823-го Года по 1825-й Год в днепровском пехотном полку. Служил не изменяя долгу моему, никогда, и ни в чем. Столько сколько по моему делу а более по словам моим Высочайше учрежденный Комитет усматривает во мне и пылкость и готовность к действию, столько я в сущности дела был

¹ Слово «его» вписано над строкой.

² Слово «для» вписано над строкой.

противуположен сему. Никогда скажу еще, не усматривал я возможности действия какогонибудь. — Никогда солдату не внушал никакого рода понятий; — занимался им более со стороны нравственности. Естли спускал погрешности им в учении, за то не щадил их в своевольствии; — поощрял более хвалой нежели страхом, — одним словом поступал как я полагал лучше, как бы поступал и не принадлежавши во все общество. Не смотря на цель сего я не упускал ничего чтоб приготовить себя еще более полезным по части военной. Военные книги с 1820-го года никогда || (л. 24) и во время даже¹ моей Атаставки с рук моих не сходили. Имел целыя тетради полныя трудов моих по сей части. С страстью моею ко всему военному, со всем тем что я прежде хотел всю жизнь мою посвятить на службу, однакож в 23-м же году вступив в² общество не мог ни как согласовать цель первой с целью последнего — вышел единственно из того в Армию; знал что теряю по службе но решился на сию меру вопреки всех советов думая в Армии, несколько прервать сношения — но сие я не сделал; однакож в полку Днепровском также следовал правилам моим, ничего солдату ни офицерам не внушал; — Прослужив Год и там также не умея опять обе цели согласовать, и вопреки всех советов опять уже во все вышел в Атаставку. Вот каким образом продолжал службу, не имея ничего себе поставить в упрек чтобы оставил следы после себя какогонибудь своевольства и отклонения солдата от верности его. В штрафах и под судом не был. Прошу Высочайше учрежденного Тайного Комитета явить, снисхождение к сим может быть, слишком распространительным показаниям; но приступив к предметам сим со всем моим откровением я пояснил их по мере того как они уму моему слабому представлялись.

Отставной Подполковник Поджио³
Генерал Адьютант Чернышев. || (л. 27)

№ 6 (5)

1826 года Генваря 17-го дня в присутствии Высочайше учрежденного Комитета отставной Подполковник *Поджио* спрашиван в дополнение первого его показания.

В начальных ответах вы говорите, что знали людей соединенных для искоренения вкрадшагося зла в Государстве, и называя известных уже Комитету членов Тайного общества объясняете самую цель оного, и что вы читали Конституцию написанную Никитою Муравьевым, а составленной Пестелем не видали; но умалчиваете как о том, что вы действительно были членом сего общества, так и о подробностях насчет оного вам известных. Полковник же Пестель, Генерал Интендант Юшневский, Капитан Майборода, Майор Лорер⁴ Подпоручик Лихарев и Корнет Свистунов положительно утверждают, что вы находились в их сообществе.

И потому Комитет требует от вас откровенных, и сколь можно ясных ответов о нижеследующем:

¹ Слово «даже» вписано над строкой.

² Далее зачеркнуто: «службу».

³ Показание написано А. В. Поджио собственноручно.

⁴ Слова «Майор Лорер» вписаны между строк.

1.

Когда, где, кем именно вы приняты || (л. 27 об.) в Тайное общество, что побудило вас вступить в оное, кто были членами оного и под каким названием общество сие существовало?

2.

В чем заключались цели того общества, которому вы принадлежали, т. е., объявленная всем членам, и сокровенная, только некоторым из них известная.

3.

Кто из членов союза благоденствия в 1821 году, когда объявлено было мнимое уничтожение оного, решились прекращать своих действий и учредили управу свою на юге, какие причины побудили их к сему предприятию, кто из членов в сие время совершенно удалился от общества и не принимал более ни какого участия, и кто остался в оном, или присоединился в последствии.

4.

С которого времени, южное общество приняло намерение, ввести в Государстве республиканское правление, по средством революции и тогда, или уже в последствии || (л. 28) предположено было посягнуть против священных особ Августейшей Императорской фамилии.

5.

Кто из членов наиболее стремился к исполнению сих намерений советами, сочинениями и влиянием своим на других?

6.

В чем заключались Главные черты Конституции под названием *Русской правды* написанной Пестелем и правил общества, кто из членов, кроме Пестеля занимался составлением оных?

7.

С согласия ли общества составлены были две прокламации одна к народу а другая к войскам, и ложный, преступный Катихизис общества и какого оныя содержания?

8.

Какия средства и надежды имело общество в достижении цели его т. е. на какия именно войски и почему всего более полагалось, кого из

высших лиц в Государственной службе почитало своими покровителями и || (л. 28 об.) начем основывались таковыя надежды его?

9.

Какого рода, когда и чрез каких лица Южное общество имело сношения с Северным и кто были к сему употреблены со стороны общества?

10.

Какия тайныя общества существуют еще в России и Малороссии, где находятся их Управы, или Думы и отделения и кто в них начальствует? Какая цель каждого из тех обществ и кто суть члены оных?

11.

Читали ли вы отчет Кн. Волконскаго, писанный В. Давыдовым о состоянии Кавказскаго тайнаго общества и какого был оный содержания?

12.

Какия и где существуют общества собственно в Польше, о ком из членов имеете вы сведения, кто из них приезжал в Бердичев и на Киевския Контракты для переговоров с Южным обществом, кто со стороны || (л. 29) сего последняго производил оныя, в чем состояли взаимныя их условия, и о ком из членов Польских обществ вы известны?

13.

Для сношения Южнаго Общества с Польскими, кто был употреблен, кроме Бестужева-рюмина?

14.

Не слышали ли вы чего от Полковника Пестеля, или кого другаго о том, что Польския общества находятся в сношениях с тайными обществами в Германии, Италии, Франции и других Европейских Государствах; а Южное имеет сношение с французскими обществами и что для сего поехал во Францию граф Полиньяк?

15.

Правдали, что вы начинали колебаться в приверженности своей к обществу; но увидевшись с Пестелем в М. Линцах после маневров вы столько убеждены были его доводами, что возвратились от него более пряхняго воспламененными духом преобразования. || (л. 29 об.).

В сию бытность вашу у Пестеля Капитан Фохт, разсуждая о средствах приготовления нижних чинов к цели общества, предлагал ли, в каждой роте разделять их на *Гласных* т. е. отличных, и на *безгласных*, т. е. порочных, и привлекая исподоволь первых делать им осторожные внушения, а когда гласные будут готовы, то безгласные пойдут за ними безпрекословно. Сие мнение Фохта одобрил ли тогда же Пестель?

Комитету известно, что вы часто бывали у сочлена вашего Василия Давыдова, которому от тайного общества поручено было действовать на привлечение поселенных войск, и у которого происходили собрания членов того общества.

Объясните с полною искренностью:

а) Каким образом, Василий Давыдов действовал в поселенных войсках по поручению общества и какие имел там успехи?

б) В чем заключались занятия и суждения собиравшихся у Давыдова членов? и

с) Какое принимало участие в таковых || (л. 30) собраниях членов, семейство Генерала от Кавалерии Раевского? и в каких сношениях с ними оно находилось?

Сведения сии вы весьма легко могли иметь по близкому жительству от Давыдова и по связи с ними и другими членами общества.

Сверх того поясните: какие именно, где и кем употреблены были соблазнительные способы, обратить нижних чинов к цели и духу Тайного общества?

К сему присовокупите все то, что вам известно на счет тайных обществ, их действий, сношений и членов.

Генерал Адьютант Чернышев. || (л. 31).

№ 7 (6)¹

В Следствие требуемых Высочайше учрежденным Тайным Комитетом от меня дополнений к первому показанию моему честь имею донести мои ответы:

1-е

В 1823-м Году проезжая через Киев я остановился в доме Василия Давыдова по старому моему с ним знакомству. Я имел препоручение от Никиты

¹ В верху листа помета карандашом: «читано».

Муравьева вручить ему или одному из Муравьевых конверт под фальшивым адресом для доставления к Пестелю. Сим подав мне сомнение и на любопытство мое открыли они мне соединение их для достижения цели ниже мной представленной. Тут я был принят Давыдовым и Муравьевыми и обещал им мое содействие. Побудило меня взойти в их общество связь моя прежняя с ними и убеждение тогда мое в необходимости участвовать в предприятии даровать свободу и права народу нашему.

Члены мне тогда известны были: Пестель по их словам а лично Сергей и Матвей Муравьевы, Волконской и Давыдов. Название общества о кроме старого благоденствия не знаю.

2.

При вступлении моем цель общества была введение Представительного Монархического правления, дарование свободы мужикам и пожертвованиями земли необходимой для независимости их в быту общественном. Сия цель была открыта всем членам. —

3.

На щет сего не имею достоверных и подробных известий знаю только что общество под названием Благоденствие существовало и в сильной степени — но слышал что в Москве при заседании многих членов оно уничтожилось. Я слышал что Генерал Орлов после сего вовсе удалился и не принимал ни какого участия в новъ возставшем обществе. Слышал сие и о Бурцове, а о Шипове утверждаю. Члены утвердившиеся в продолжении намерений своих сколько знаю то Пестель, Муравьевы Сергей Матвей и Никита. Члены же в последствии мне известные принадлежащие суть: Князь Трубецкой, Нарышкин, Князь Оболенский Пуццин, Рылеев, Валериян Голицын, Ватковский, Свистунов, Тургеньев, Брыгин, Полковник Митьков Никита Муравьев Пестель — Сергей, Матвей Муравьевы, Бестужев, Юшневской || (л. 31об.) Князь Волконский, Давыдов, Янтальцев, Крюков, Жуков, Швейковский, Тизенгаузен, Лорер, Майборода, Абрамов, Муханов, Лихарев Фохт, Слышал от Бестужева что он некоторых принял в Гусарах и Артиллерии. Говорил мне о каком то Синявине, и одном Капитане пешей Артиллерии которого не упомяну. В 1824-м году я принял Валерияна Голицына и в Сентябре того года Фохта, с тех пор ни кого не принимал. —

4-ое.

В 24-м Году как мне о сем говорил в Петербурге Матвей Муравьев. Кем оно было предположено и имело ли сие общее всех согласие того не говорил, ибо тогда я принадлежал Северной управе. Знаю только по его словам что предложение его было отвергнуто здесь. — Муравьев также мне говорил что к сему средству прибегнуть должно в случае неудачи перьвого предприятия общества и что для сего должно будет составить особенной заговор вне общества, чтоб отклонить вид сего преступления от одного. Впрочем утвердительно говорю что заговор сей приступной не возымел своего начала в действии. Пестель мне говорил в Линдах о необходимости составления временного правления которое должно было сосредоточить

все отрасли властей, для избежания могуших последовать внутренних раздоров и недорозумений между сообщниками в приведении цели их к исполнению; и для того составить временное правление из трех членов состоящее — обязанность между прочим была бы назначить во всякой губернии по одному члену для присудствия в избирании представителей учредить представительную палату и пояснить ей и Закононому Правительству всю цель и намерение общества. После введения их в свои власти сложить с себя временную власть и тем признать уничтожение Временного правления. Многие члены знали о сем предположении.

5.

Ни кто более не стремился в исполнении содействия успеха Общества, двух *Муравьевых Пестеля*. Я слышал что Полковник *Абрамов* ни каких не приносил содействий. Впрочем мы все брали равное участие.

6.

Пестель мне читал отрывки Руской правды в 1824-м году при начале его сочинения. Помню читал мне статью о разделе земель и вольности мужиков, составление волостей общественных, что занимало его¹ более всего как он мне говорил. Не знаю кто в южной управе занимался правилами общества. в 24-м году в бытность мою в Петербурге Никита Муравьев просил меня извлечь из правил благоденствия пояснив цель общества² и обязанность членов || (л. 32). Он дал мне образец одного и изложив в кратце выше поясненные правила представил их ему Муравьеву и читал сие при некоторых членах. — Вот единственная бумага писанная мной для общества.

7-ое.

Не знаю ничего о двух прокламациях; а о катехизисе свободного человека знаю что при отъезде моем из Петербурга Рылеев готовился писать. Я видел Рылеева только раз и то на кануне моего отъезда.

8.

Средства и надежды были в силе войск имеющую³ члены общества. Утвердительно говорю что кроме Муравьева о котором мне говорили что в последствии и солдат вводил в тайну ни кто из членов мне известных в последнем времени не прибегал к сему средству а напротив чтоб избежать всякого подозрения соблюдали всю должную строгость. Из высших лиц в Государственной службе полагали всегда как я слышал Алексей Петровича Ермолова покровителем сей цели предполагая что он верно покровительствует и грузинскому обществу. Впрочем лично до меня я не имею никаких верных сведений чтобы мог сделать о сем основательное заключение. —

¹ Слово «его» вписано над строкой.

² Слово «общества» вписано над строкой.

³ Так в подлиннике.

Я при отъезде в отпуск имел конверт от *Никиты Муравьева*¹ с бумагами к *Пестелю*. На отъезде моем в Петербург он прислал мне таковой же для доставления к Муравьеву. Содержание мне не было известно что оне сами утвердят. Приезжал Князь Барятинской для собрания верных сведений о успехе общества. Знаю также что Князь Волконский и Давыдов в поездках своих² в Петербург имели подобныя поручения. —

Мне говорил Пестель и Давыдов о открытии Волконским общества в Грузии. *Бестужев* мне говорил что Якубовичъ приезжал в Малороссию и будто многих принял и полагает также что в Малороссии существует общество. Но я верного ничего на щет сего не знаю³.

Я не читал отчета Князя *Волконского* писанный Давыдовым слышал о нем но полного содержания не знаю. Знаю только что через Якубовича открыто общество и что он ожидаем был для дополнительных пояснений о его обществе. Но он не приезжал.

Сношения с Польским Обществом положено было как мне говорил сам Пестель вести самым осторожным образом, и лотому ни кто не должен был иметь с ними сношения или открыться кому нибудь при открытии какого ли члена окроме тех на коих сие было возложено. — *Муравьев и Бес-*|| (л. 32об.) *тужев* были перьвые в открытии сих сношений. Мне кажется что граф Олизар должен принадлежать к обществу но утвердительно сего не скажу а о сем *Муравьев Пестель и Бестужев* знают. Мне говорил Пестель что возле него жил один Поляк с которым он был в сношении — именем Чернявский. Кто приезжал в Бердичев не знаю. Матвей Муравьев мне говорил что Гродецкий в Киев также⁴ общества, но я лично с ним сношения не имел и ссылаюс на утверждение слов Пестеля и Матвея Муравьева. В 1825-м Году приезжал для сношения Князь *Яблоновский*. *Пестель* сам имел с ним сношения. Условия их были сколько я знаю: независимость Польши с присоединениями ея древних достояний то есть Виленская Гродненская Минская Подольская Волынская и кажется даже с уступкой Витебской и Могилевской губерний⁵. Они должны были распространить общество свое в Литовском Корпусе Польской Гвардии дабы не могли они сопротивляться намерениям или яснее предприятий в случае⁶ нашего общества. Вот что Пестель мне говорил в Линцах. —

¹ Слова «от Никиты Муравьева» вписаны над строкой.

² Слово «своих» вписано над строкой.

³ Слова «*Бестужев* мне говорил... сего не знаю» подчеркнуты карандашом.

⁴ Так в подлиннике; повидимому, пропущено слово «член».

⁵ Слово «губерний» вписано над строкой.

⁶ Так в подлиннике.

Кроме Бестужева сам Пестель в 1825-м Году в Киеве.

Я слышал что главная управа Польского общества в Дрездене. Сношений с обществами других государств не слыхал. Граф Поляняк отправился во Францию и с тех пор известий как мне говорили о сем ничего нет.

Правда что после приезда моего из Петербурга в течении моей семи-месячной службы я не содействовал ни в чем. При конце оной на маневрах ¹ по совету Пестеля принял *Фохта*. Я здесь в первый раз видел *Пестеля* не скрою что он оболстил меня своим умом, что средства его в представлении мне предметов всегда превышали мои в отвержении оных, скажу что убеждения его довольствуя уму не довольствовались разсудка и что я всегда полагал предприятие его не сбыточным бредом. Не смотря на это в убеждении моем я ему дал обещания в проезде моем через Орел стараться разведать о бунте случившемся в одном ескадроне Кирасирского полка там стоящего, обещал познакомиться с офицерами того полка. Вот с чем я рстался с Пестелем. Я поехал по одному делу совершенно чуждым ² делу общества в город Видзы где я прожил более двух месяцев. На возвратном пути ехал через Орел и переночевал и ни с кем не видавши отправился в Тульскую губернию к приятелю моему Помещику Голицыну — Прожив там двое суток отправился назад через Орел и не останавливаясь домой. — После сего я виделся с Пестелем в 1825-м году в Киеве на || (л. 33) Контрактах. Здесь я ему сказал безуспешное мое дело в Орле и ³ что я оставляю службу и отправляюсь жить в деревню до Майя месяца в котором я поеду на Кавказ. Он и Муравьев просили меня разведать о тамошнем обществе — но я там ни кому не открываясь ни кого и не открыл хотя всечасно встречался с служащими там и в Грузин С тех пор я не видался с Пестелем и все у себя жил в деревне. —

Фохт точно предложил мне Средство — Пестель его одобрил. Но возышло ли оно свое действие не знаю ибо я с тех пор с 1824-го года Фохта не видал. Скажу что сомневаюсь даже чтобы могло было оно быть приведено в действие. Строгое обращение Фохта с солдатом не сообразно бы было с сим послаблением кое он мог предложить в угодность только Пестелю. —

Давыдову было поручено действовать на поселения. Но он озабоченный своими запутанными делами не имел на то время и даже желания

¹ Далее зачеркнуто: «был».

² Первоначально: «чуждому».

³ Слова «безуспешное мое дело в Орле и» вписаны над строкой.

взять сие на себя. По приезде моем из Кавказа он мне рассказал все происходившее между Башняком и Лихаревым. Каким образом башняк старался подружиться с Лихаревым как он снискивал доверие отклоняя все сомнения на шет связи его с Графом Витом. Говорил он что Граф Вит сам в немилости и что сам хочет присоединиться к обществу — но что не желал бы иметь свидания. Лихарев принял Башняка и познакомил его с Давыдовым — кажется Давыдов не весьма ему доверялся — дело с Графом Витом осталось не окончено — он поехал в Таганрог к Покойному Государю и на возвратном пути заболел сильною жуткою горячкою — Башняк прервал все свои сношения равно как и Граф Вит, после приезда его. Вот все сношения Давыдова с Башняком. —

Давыдов имел свой собственный дом в Киеве и обыкновенно у него останавливались. Когда не было ни кого из посторонних обществу что редко бывало то время посвящая на суждения о делах общества. В прошлом || (л. 33об.) 1825-м Году все говорили о уклонении Муравьева от прочих. Он точно упрекал нас в бездействии справедливом и указывал на усилия свои — заметно было точно что он старался усиливаться сколько мог и по вражде тогда существующей между им и Давыдовым¹ его Товарища Бестужева с друзьями также Давыдова (по делам чуждым обществу) все вело сие к сему заключению. —

Впрочем большую часть времени и в особенности Давыдов Волконский и я проводили в делах контрактовых. Сие известно всему Киеву. —

От Семейства Генерала от Кавалерии Раевского всегда скрывали вообще разговоры клонящиеся до дел общества. Суждения были всякого рода но всегда отвлеченные от могущих дать сомнения о существующем обществе.

Всякой день на Контрактах были вечера у Генерала Раевского. в 9 часов съезжались — в 10 часов по обыкновению Генерал Раевский своему уходил спать. Танцы продолжались до 1-го часу. За ужином бывали беседы но всегда посторонняя от предметов общества ибо нередко случилось тут находится чиновникам воинским и гражданским противным сему образу мыслей. — Генерал Орлов, двое Раевских сколько я слышал и заметил не принадлежали Обществу сему. Все что говорено было Пестелем Давыдовым и Муравьевым все в пользу их. Сие я утверждаю. —

18.

На шет соблазнительных средств для привлечения Солдат то я полагаю что ни где оные не были употреблены открыто. Я слышал что Муравьев предложил под конец принимать и солдат и что будто бы он утверждал что до 800 человек им набрано. Но в каких именно полках сего не знаю. Полагать должно в Черниговском и Алексопольском — разве еще Бестужев не следовал подобному средству и в Полтавском. — || (л. 34) Князь Волконский известен по строгости своей — Подполковник Янтальцев еще более. Сношения же Пестеля как он мне сам говорил всегда были обыкновенны с солдатами его полка.

Не знаю обстоятельно что делалось у Гусар и Артиллерии стоящих смежно с Муравьевым. — Сергей Муравьев мне говорил о Артамоне Муравьеве но был ли он принят и содействовал ли не могу сказать.

¹ Далее зачеркнуто одно слово, повидимому «через».

Должен сказать что не за долго перед Арестом Пестеля он был у Князя Волконского. Кончина Покойного Государя была известна. Пестель ни хотел ни чего предпринимать а Князь Волконский говорил что он не хочет ни в чем содействовать.

Вот что говорил мне Давыдов видевшийся с ними.

Вот дополнительные ответы на предложенные мне пункты которые честь имею представить Высочайше учрежденному Комитету.

Естьли сверх сих пунктов найдутся другие относительно делам общества, готов всегда отвечать на оные с чистосердечием и откровенностью внушаемый мне убеждений мое¹ в преступном моем содействии.

Отставной Подполковник П о д ж и о²

Генерал адыютант Ч е р н ы ш е в || (л. 35)

Высочайше учрежденному Комитету честь имею донести что я в 4-м пункте ошибочно показал с 1824-го Года. Сие мне сказывал Матвей Муравьев в конце 1823-го Года и потому предположение сие состояло до 1824-го Года.

Полковник же Пестель мне говорил в 1825-м Году в Киеве что он для сего ездил в конце 1824-го Года в Петербург и что сказанное мне Матвеем Муравьевым принято было Северной Управой. Сие все члены знали Южной Управы а о Северной Пестель знает.

Отставной Подполковник П о д ж и о³

Генерал Адыютант Ч е р н ы ш е в. (л. 37)

№ 8 (7)⁴

Mon Général!

Le trop court espace de temps, et le trouble dans lequel je me suis trouvé, quand j'ai eu l'honneur de répondre aux questions de Votre Excellence, ne m'ont pas permis de faire un aveu qui demandait des détails; et si jusqu'à présent j'ai tardé à le faire, c'est que chaque jour je m'attendais à être questionné à la commission, mais comme à ce qu'il paraît, mon tour n'est pas encore venu, et qu'il tardera à venir peut être, je m'empresse à convenir d'un tort qui pèse sur ma conscience. —

Permettez moi de rappeler à Votre Excellence, qu'il a été question d'un entretien que j'ai eu avec M[onsieur] Bestoujeff, mais je ne vous ai fait part que du commencement de la conversation, car après M[onsieur] Bestoujeff s'étant accroché à ce que j'avais dit en plaisantant *que j'étais prêt à être un des conjurés*, et comme, le dit Bestoujeff n'entend pas la plaisanterie, et qu'il tenait fort à coeur le prosélytisme, pour se faire valoir aux yeux de M-rs

¹ Так в подлиннике.

² Показания написаны А. В. Поджио собственноручно.

³ Дополнения к показаниям на вопросы Комитета от 17 января 1826 г. написаны А. В. Поджио собственноручно.

⁴ В верху листа помета чернилами: «взять в соображение при допросах».

les directeurs, il me prend à part dans une autre chambre et me demande, *si j'ai bien réfléchi* || (л. 37об.) *à ce que j'avais avancé*; j'ai été tellement confus du ton solennel avec lequel il m'a fait cette question, que craignant qu'il ne pense que ce soit la peur qui me fait reculer, je lui dis alors sérieusement *que j'avais bien pensé*. Là-dessus il commence à me faire, un tas de compliments, et à me dire que je déployais un caractère véritablement *Romain*, flattant mon amour propre pour mieux m'engager, et en même il se met à une table, je lui demande ce qu'il voulait faire, il me dit qu'il voulait marquer mon nom; (et si je ne me trompe il me paraît qu'il m'avoit dit, qu'il y en avait déjà six de marqués).

J'ai tenu ferme, et je ne lui ai pas permis d'écrire mon nom, lui disant que je ne voulait pas être compromis et que j'exigeais, que pas une âme n'en sache rien.

Quelques moments après j'ai réfléchi que j'avais fait une grosse conséquence de m'être avancé par fausse honte dans une affaire, contre mes principes, contre ma conscience, et que pour rien au monde je n'aurais été capable d'exécuter, quoiqu'il n'y ait pas eu de témoins, et qu'il n'y eut que des paroles, point d'engagements par écrit, j'étais fort inquiet, et je pensais aux moyens de battre la retraite honorablement. —

Après avoir marché quelque temps par la chambre, je m'approche de lui, et je lui rappelle que j'avais quatre enfants, que si j'étais tué, comme il y a toujours mille à parier contre un, pour tout conjuré, mes enfants seraient || (л. 38) perdus — M[onsieu]r Bestoujeff m'embrasse et me dit, que je sois absolument tranquille sur le sort de mes enfants, que c'est lui qui s'en chargerait si j'étais tué — ceux qui connaissent M[onsieu]r Bestoujeff verront tout le ridicule de cette proposition, j'en ai ri au fond de mon cœur, cependant je ne voyais pas le moyen de me défaire de cet homme, la conversation a été interrompue par le dîner, et jusqu'à quatre heures du soir, il n'a plus été question de ce sujet. Mais à peine avons nous été seuls que M[onsieu]r Bestoujeff n'a rien de plus pressé, que de me rappeler que j'ai pris un engagement d'être un des conjurés, là-dessus j'ai de nouveau eu la faiblesse de caractère de lui dire, *que l'engagement une fois pris, il fallait le tenir*. Se croyant alors sûr de ma personne de nouveau il se met à écrire et me dit que c'était à Pestel par rapport à moi; alors je me suis fâché contre lui, et je ne lui ai pas permis de me nommer. — Le soir la conversation a roulé sur les moyens de mener la conjuration.

Le lendemain M-r Bestoujeff est parti de Kamenka. J'ai fait mes réflexions sur la petitesse de caractère que j'avois montré, et j'en étais au désespoir. Mais enfin j'ai pris mon parti et je me suis dit, que si M[onsieu]r Bestoujeff me parlait encore une fois de cet engagement, je lui signifierai qu'il se trompait fortement en pensant qu'un honnête homme pourrait jamais se souiller d'un crime aussi épouvantable. *M-r Bestoujeff ne m'en a jamais plus reparlé* — depuis ce jour j'ai brisé mes relations avec lui. || (л. 38 об). Plein de confiance dans la Miséricorde de Notre Auguste Souverain, je n'ai pas balancé un moment à venir avouer mes torts. Je vous ai parlé, Mon Général, comme devant le tribunal de Dieu, c'est lui aussi, que je prends à témoins que mes paroles n'étaient pas d'accord avec mes intentions. Veuillez, Mon Général, agréer l'assurance des hommages respectueux et de l'estime distinguée, avec lesquels j'ai l'honneur d'être de

Votre Excellence

le très humble et très obéissant serviteur

Joseph Podgio¹

26 Janvier. || (л. 39).

¹ Письмо генерал-адъютанту Левашову написано И. В. Поджио собственноручно.

Ваше превосходительство!

Слишком краткое время и волнение, охватившее меня, когда имел честь отвечать на вопросы Вашего превосходительства, не позволили мне сделать требовавшихся подробных пояснений, и если я до сего времени с ними промедлил, то лишь потому, что каждый день ожидал допроса в комиссии, но поскольку очередь моя, кажется, еще не пришла и, может быть, запоздаст, спешу признаться в одной вине, отягощающей мою совесть.

Позвольте напомнить Вашему превосходительству, что речь шла о моей беседе с г-ном Бестужевым, но я сообщил Вам лишь начало разговора, потому что после господина Бестужева, прицепившись к сказанному мною в шутку, что я *готов быть одним из заговорщиков*, и как сей Бестужев шуток не понимает и очень дорожит новообращенными, дабы выслужиться в глазах господ директоров, — он отвел меня в другую комнату и спросил, хорошо ли я обдумал то, что предложил; я был так смущен торжественным тоном, которым он предложил мне этот вопрос, что, опасаясь, как бы он не подумал, что я отступаю из трусости, я заявил ему тогда серьезно, что хорошо обдумал. После этого он наговорил мне кучу комплиментов, сказал, что я проявил характер истинно римский, льстя моему самолюбию, чтобы лучше меня привлечь; в то же время он садится за стол, я спрашиваю его, что хочет он делать, он отвечает, что желает записать мою фамилию (и, если не ошибаюсь, он, кажется, сказал мне, что шесть фамилий уже записаны).

Но я был тверд и не позволил ему записывать своей фамилии, говоря ему, что не желаю быть скомпрометированным и требую, чтобы ни одна душа не знала об этом.

Несколько минут спустя я понял, что сделал большую неосмотрительность, обещав из-за ложного стыда участвовать в деле, противном моим принципам, моей совести и которое я ни за что на свете не мог бы выполнить; хотя при этом не было свидетелей и все было только на словах и без письменных обязательств, я почувствовал сильное беспокойство и стал думать, как бы отступить достойным образом.

Походив немного по комнате, я подошел к нему и напомнил, что у меня четверо детей и, если меня убьют — за это для каждого заговорщика тысяча шансов против одного, — дети мои погибнут. Г-н Бестужев меня обвиняет и говорит, чтобы я был совершенно спокоен за судьбу моих детей, что он сам о них позаботится, если меня убьют. Кто знает г-на Бестужева, поймет всю смехотворность этого предложения, я посмеялся над ним в душе. Однако я не знал, как отделаться от этого человека, разговор был прерван обедом, и до четырех часов вечера об этом вопросе речи не было. Но как только мы остались одни, г-н Бестужев поспешил напомнить мне, что я дал обязательство стать одним из заговорщиков, на что я вновь по слабости характера ему ответил, что *раз обязательство взято, его надо сдержать*. Тогда, уверившись во мне, он снова принялся писать и заявил мне, что пишет обо мне к Пестелю. Тогда я рассердился и не позволил ему упоминать себя. Вечером разговор шел о способах осуществить разговор.

На другой день г-н Бестужев уехал из Каменки. Я предался размышлениям о ничтожестве характера, мною проявленном, и пришел от этого в отчаяние. Но, наконец, я принял решение и сказал себе, что если г-н Бестужев заговорит со мной еще раз об этом обязательстве, я дам ему понять, что он жестоко ошибается, полагая, что честный человек способен замарать себя таким ужасным преступлением. Г-н Бестужев *никогда больше об этом не заговаривал*, — с этого дня я порвал с ним отношения. Уверенный в милосердии нашего августейшего государя, я не колебался ни на мгновение признать свою вину. Я говорил с Вами, генерал, как перед судом божьим, и призываю бога в свидетели, что мои слова не согласовались с моими намерениями.

Благоволите принять, Ваше превосходительство, уверение в моем совершенном уважении и почтении, с которыми имею честь быть

Вашего превосходительства

покорнейший и послушный слуга

Иосиф Поджио.

26 января.

№ 9 (8)¹

1826 года февраля 16 дня в присутствии Высочайше учрежденного Комитета отставной Подполковник Поджио спрашиван в дополнение данных им ответов.

¹ В верху листа помета карандашом: «читано»; другой рукой чернилами приписано: «Читано 19 февраля».

По собранным ныне достоверным сведениям оказывается, что в прежних объяснениях своих вы сокрыли многия важныя обстоятельства, и потому Комитет вновь требует от вас искренняго и положительнаго показанія о ниже следующем:

1.

Вскоре пополучении известія об арестовании Полковника Пестеля, вы узнавъ о приезде Генерал Майора Князя Сергея Волконскаго к жене своей в деревню Болтышку писали к нему Волконскому письмо, отправленное чрез подполковника Янтальцова, в котором предлагали возмутить командуемую им тогда 19-ю пехот. Дивизию для освобождения Пестеля из под ареста.

2.

В предположении, что Волконской на предложение Ваше согласится || (л. 39об.) вы посылали в город за подорожной и имели намерение ехать в Киев для извещанія Сергея Муравьева-апостола, коль скоро Волконской пришет ожидаемое согласие?

3.

Между тем, пока не был еще получен ответ Волконскаго, вы находясь в доме Василья Давыдова при случившихся у него Квартирмейстерской части подпоручике Лихареве и брате вашем Штабс капитане Поджио вы говорили о причинах побуждающих к возмущению, а когда Давыдов оспаривал оныя, то читали, ему и Лихареву копию с письма вашего к Волконскому и произносили после того следующее: *«Я предлагаю свои две руки, поеду в Петербург, и вы узнаете, что в такой-то день Государя Императора уже несуществовало бы»* и потом, когда Давыдов сказал вам: *«твои две руки ничего не значат тут надобно шесть»* то вы наименовали четырех членов, живущих в Петербурге и готовых разделить с вами означенное предприятие; || (л. 40) а затем продолжали следующее: *«нужно, чтобы во время покушения на жизнь Государя Императора кто нибудь находился для взятія в командование Гвардии; я предлагаю на сие Михаила Федоровича Орлова».*

Здесь поясните в особенности: кто именнно были те члены общества в Петербурге кои готовы были покушиться с вами на Цареубийство, и почему вы в сем случае на них полагались?

4.

После сего свиданія с Давыдовым и Лихаревым вы говорили одному из членов общества: *«видиши каков Давыдов, спорил со мною, а предложение об Орлове ему понравилось».*

5.

Вскоре за сим, будучи у Подполковника Янтальцова, и услышав от него изустный ответ Князя Волконскаго, что он на предложенное письмом вашим возмущение не согласен, вы отменили намерение || (л. 40об.) свое

ехать в Киев (для свидения с Муравьевым) отослав домой человека и вещи, к дороге приготовленные, и потом, в присутствии случившихся тут же Лихарева и Брата вашего сказали Янтальцову: *«удобной был бы случай покуситься на жизнь Царской фамилии в Москве, куда во время коронации вся Царская фамилия съедется»*.

Здесь поясните: в сию бытность у Янтальцова Брат ваш отказывался ли от участия в обществе, и за столом, предлагал ли пить за здоровье тех, кои отретировываются?

6.

Знал ли Подполковник Янтальцов о содержании посланного чрез него к Волконскому письма или о том предложении, на которое сей последний не согласился?

Здесь поясните: с чем именно вы весьма много говорили || (л. 41) с Янтальцовым в то время, когда приехав к нему с письмом для Волконского, вы ночевали у него Янтальцова?

7.

Вы неоднократно говорили одному из членов общества, что *«непременно поедете в Петербург и жертвуя собою, постараетесь покуситься на жизнь нынешняго Государя Императора»* а когда уже вы были арестованы, то сказали тому же члену: *«Россия много потеряла в том, что я лишен свободы»*.

8.

После арестования вашего и пред отъездом уже в Петербург вы говорили одному члену, что еслибы *подполковник Янтальцов* тут находился, то вы предложили бы ему подняться с своею ротою и итти в Военное поселение, что может быть вы дорогою уйдете из под ареста к *Муравьеву*, а от туда проберетесь || (л. 41об.) в Ригу и увидевшись там с Полковником Вольским предложите ему подняться с своим Полком.

Здесь поясните: на чем именно основывали надежду вашу на содействие Янтальцова и Вольского в ваших намерениях?

9.

В прошедшем 1824 году, в бытность вашу у Василия Давыдова, полпоручик Бестужев-Рюмин говоря о намерении Южнаго общества *покуситься на жизнь всей Царской фамилии* разсуждал при вас так: *«что нужно только лишить жизни одного блаженной памяти Государя Императора, а прочих членов Царской фамилии можно изгнать»*.

10.

Вы сказывали одному из сочленов своих о предположении Южнаго общества при начатии революции идти на Киев, Арестовать Генерала

|| (л. 42) Раевского, и овладеть крепостью и арсеналом? сожалел при том о Раевском, что такого заслуженного Генерала может быть достанется арестовать какому нибудь Прaporщику?

11.

Упоминаемый здесь Подполковник Янтальцов, с кем из членов общества (кроме вас) находился в сношениях по оному и какое вообще принимал участие в его действиях?

12.

Вы имели у себя печать Генерал Майора Байкова, которую Князь Сергей Волконский употреблял для открытия пересылаемых из Главной Квартиры 2 Армии бумаг, что бы знать их содержание. Печать сию, вы оставили у Матери своей в камоде, и когда брат ваш Штабс капитан Поджио привезший вещи ваши (во время арестования) спросил чья это печать? то вы отвечали ему: *«Эту печать дал || (л. 42 об.) мне Князь Волконский спрятать»*.

В заключение объясните откровенно все, что вам известно о тайном обществе сверх изложенных вопросов без малейшей утайки, ибо заpiresательство ваше при ясных уликах может послужить только в усугубление доказанной вины.

Генерал Адьютант Чернышев. || (л. 43.)

№ 10 (9)

Высочайше учрежденному Тайному Комитету честь имею дополнить к прежним моим показаниям нижеследующее:

1-ое.

21-го числа декабря приехал я к Генералу Давыдову на званой обед. Здесь находились Давыдов, Лихарев и Янтальцев. Давыдов первый объявил мне о приезде Волконского с известием о арестовании Пестеля, Юшневского, Крюкова и сослании К. Барятинского под арестом к Генерал от Инфантерии Сабанееву. час спустя прибыл туды и Янтальцев которого Волконский застал в Болтышке. Сей подтвердил выше сказанное Давыдовым, с добавлением что общество все открыто с именованнем 80-и членов оногo; сказал также что Волконскому не велено было ни с кем сноситься, а особенно с Давыдовым и что при свидании его с Пестелем у Генерала Байкова он ему сказал: узнай где Руская правда и не теряйте духу. К. Волконский съездил к Юшневскому которой объявил ему что руская правда сожжена Свитскими офицерами — К. Волконский предостерегал нас не хранить бумаг до общества касающихся говоря что при арестовании членов разыскивают также и бумаги их. — Вместе с сим беспокояс о Муравьеве; Янтальцев и Давыдов предложили в особенности первой мне ехать к нему, и предупредить его во всем; что я им и обещал. Здесь все разговоры клонились о неизбежной нашей гибели и сожалении нашем

о Пестеле. — Янтальцев особенно желел Юшневского. После обеда сейчас все разбежались всякой к себе для созжения бумаг иных; — важных не у кого не было, сие я знаю. Приехав домой, и вспомнив обещание мое ехать к Муравьеву я хотел иметь достоверное решение о намерении Южной Управы. В сем намерении писал я письмо к К. Волконскому: где говоря ему что гибель наша неизбежна при открытии общества посягнувши на такую цель, что казни ожидают всех, и что милосердия не ожидать, когда в такое время гонения начались. Убуждал его с средствами им имеющими спасти Пестеля говоря ему сии слова: «C'est à vous à nous rassembler et marquer à chacun de nous les devoirs à remplir envers leurs amis; faites le vôtre, je ferai le mien»¹ вот имянно слова конми я кончал письмо, и я более ему ничего не обещал. 22-го числа прочел я сие письмо брату моему, которой || (л. 43 об.) убуждал меня оставить его, но я с письмом отправился к Янтальцову. Здесь я ему говорил что дав обещание ехать к Муравьеву я должен знать по крайней мере на чем решатся здешнии члены и для того К. Волконской должен мне на сие дать верной ответ, ответ известной сказал мне Янтальцов; Как вы к Князю сие пишете, вы знаете его, он действовать не будет. На сие я ему сказал уверен более вас в том, но хочу иметь верной ответ чтобы Муравьев не покусился на какое ни будь возстание в надежде на Волконского содействие и прочих. Я Янтальцеву прочел письмо также и записку особенную: в которой заключил предприятие в случае² действия Южной Управы мне Пестелем объявленное еще в 24-м году в бытность мою у него. То есть двинутся с успевшими к тому склонится полками 19-ой пехотной дивизии, полагая присудстве К. Волконского, мое и Капитана Фохта достаточным к склонению полков 1-ой бригады а что за ней последуют и другие соединить с стоящим смежно Вятским полком и сделав нападение на Тульчин арестовать главные лица Главной Квартиры 2-ой армии. Я говорил Янтальцову чтобы он сие напомнил Князю которому верно Пестель сие сообщал и добавил чтоб имянно Фохт соединился с Майбородой, и шли бы к Тульчину, и что для сего нужен был К. Барятинской которому и препоручить дело избавления Пестеля — хотя его там не было хотя и Майборода как говорил Пестель Давыдову уже не обещал содействия ни какого ибо полагал его ему изменившим, но я понежастию общему для всех в предприятиях наших всегда отвергал препятствия самые неодолимые. Поздно дела нам сие показали и открыли все преступныя и ни на чем не основанныя надежды. — о прочем следующем покажу ниже. —

2-ое.

Я за подорожною точно послал и готов был ехать к Муравьеву как я сие выше показал. —

3-е.

Переночевав у Янтальцева на другой день то есть 23-го числа я был у Давыдова где находились Лихарев и брат. Я Лихареву читал письма: копию моего, к К. Волконскому; описывая в нем более всего плачевными красками гибель нашу неминуемую, и убежденные в ней невольно с Лихаревым мы зарыдали и он мне сказал скажи «мой друг за что мы погибаем

¹ Франц. «На вас лежит обязанность нас собрать и указать каждому его обязанности по отношению к своим друзьям; выполняйте ваш долг, я выполню свой».

² Слова «в случае» вписаны над строкой.

и погубим семейства наши?» Сие я показываю чтоб тем || (л. 44) пояснить убеждения наше в участи самой отчаянной для нас, и как причиной того изступления в которое ввергло меня воображение мое, заразившееся мнимыми ужасами будущего ожидающего нас всех. После сего читал я то самое письмо и Давыдову он оспаривал тем (и заключение записки моей) «что Волконский один сам собой ничего не значит, что он должен быть непременно движим кем нибудь чтоб быть к тому способным, дайте мне Пестеля, дело другое». Я ему говорил что хотя Волконский прежде предлагал лично спасти Майора Раевского, и что хотя он много делал обещаний, но что теперь нечего надеется; особенно ссылаясь на слова Лихарева которому он еще летом говорил, что уже лично содействовать не хочет, что уже он довольно компрометировался и что Генерал Киселев говорил ему: «напрасно ты запутался в худое дело советую тебе вынуть булавку из игры» и что он не намерен был ни на что покушаться — Но писал я к К. Волконскому чтоб Муравьеву дать последнее его в том подтверждение и дабы сей знал верное¹ решение всех членов здесь находящихся. На это мне Давыдов говорит ты знаешь предположение Пестеля и всех нас ни здесь дело начать а в Петербурге а здешними силами поддержать только действие цели; естли бы Матвей Муравьев туды поехал как мне сие и Пестель говорил при свидании моем с ним у Волконского за несколько дней до арестования его. — Я Пестелю говорит мне, говорил о вас; но вы человек больной и сам Пестель сие сказал что за чем его тревожить больного; на что я ему сказал чтоб съездив к Волконскому и что сообща решите, то сообщу Муравьеву и с ним тогда поеду в Петербург то есть: естли здесь решатся на действие. Что вы там одни сделаете — тогда увлеченный изступлением своим я предложил свои две руки сказал что вы узнаете что в такой день Государь император уже не существует. На что Давыдов мне сказал ваши две руки ничего не значат тут нужно шесть. Когда я говорил о своих двух руках то оне стоят сто рук разумея здесь общество. Муравьев Оболенский, Голицын, Митков одних мыслей всегда готовы к действию и на конец остальные члены общества. Должен признаться и в том что покушение на жизнь всей Царской фамилии было предположено первым началом действия² и что сие ужасное || (л. 44 об.) преступление³ имело общее всех согласие. Перед тем мне Давыдов сказывал что будто бы он слышал что для сего уже и назначены были северной управой три члена должностующих принять правление республики и назвал мне двух Мардвинова и Адмирала Синявина что доказывает еще более что преступления выше помянутые были господствующими мерами в действиях общества. — Впрочем не скажу чтоб лично из них кто сие обещал ибо на сие должны были быть сделаны требования коих я не делал. Но образ мыслей упомянутых мной удостоверившись лично к тому клонился. Я точно предложил Генерала Орлова для взятия начальства над Гвардией — но я с Г. Орловым никогда не имел о сем разговоров, равно как и о прочих делах общества; а предложил его зная родство, и связи его дружественныя со многими из членов и прежние его сношения с благоденствием; после которых однакоже он с вновь утвердившемся обществе более не имел. — Помнится мне что я упомянул здесь брату о Полковнике Шипове но повторяю здесь еще что сие я сказал без всякого основания — ибо как я уже показал то оной также никакого не

¹ Слово «верное» вписано над строкой.

² Слова: «Я предложил свои две руки... Первым началом действия» подчеркнуты карандашом многократными линиями и против них на полях поставлен знак «NB».

³ Слово «преступление» вписано над строкой.

брал участия в обществе и всегда уклонялся от свиданий со многими из членов впрочем какие его были здесь сношения после моего отъезда из Петербурга сего не знаю.

4-ое.

Я брату говорил «Давыдов оспаривал действия Южного общества без действия Северного» а предложение от Г. Орлове ему понравилось. — Но Давыдов мне сказал что он в Москве и как быть ему в Петербурге?

5-е.

26-го числа был я у Янтальцева; здесь он мне объявил что К. Волконской ему сказал что он с одним Фохтом может сделать, и что он ничего не станет делать. Тут Янтальцев мне сказал не должно ничего предпринимать а ожидать оборота какой примет дело. Тут убеждения брата и собственно мои остановили меня и я решилса ни куды не ехать и ожидать участи своей у себя в деревне. Здесь рассуждали между тем || (л. 45) о могущих произойти последствий, открытием всего дела общества, уверившись по словам Пестеля Давыдову и Волконского признаниями Капитана Майборода о тайнах и цели общества. Я тут же сказал не понимаю каким образом о сию пору уже не арестован будучи Майбороте известен, но что сие будет не минуемо на днях говоря также что естли дело не примет милосердного оборота, то при коронации будет случай приступить к покушению на жизнь Царской Фамилии на что Янтальцев сказал — : вот это мое мнение дождатса какой оборот примет дело а до того ни на что не покушатса. о брате же скажу что получив ответ от Волконского он мне сказал, вот видиш сам теперь, к чему ему писал и к чему ты ето все говориш; разумеется что все откажуся и я отказываюсь и за столом точно предложил пить за здоровье ретирующихся¹.

6.

Подполковнику Янтальцеву я читал содержание письма и предложение; он мне сказал на ето, что ето все пустое и не нужное я пишу к К. Волконскому; что он действовать не станет, и ничего нельзя предпринимать.

Говорили мы тут более о обществе, каким образом оно открылос, предполагали что Граф Вит получил верные сведения о нем от Башняка и донес о том Покойному Государю Императору при поездке его в Таганрог; говорил мне Янтальцев слыханное К. Волконским в Тульчине что будто у Покойного Государя Императора найдена записка на столе с наименованием всех членов и по скорому арестованию Пестеля не достоверно по чьему приказанию сие было исполнено от Начальника Главного Штаба Генерал-Адъютанта Барона Дибича или уже по повелению Цесаревича Константина Павловича; — говорили о неминуемой гибели всех когда в такое время последовали гонения, (при сем заметить должно что случившийся в Петербурге бунт сопровождаенный убийствами был нам всем неизвестен по 1-ое число Генваря — 4-го только узнали о участию —

¹ Слова: «естли дело не примет милосердного оборота... пить за здоровье ретирующихся» отчеркнуты карандашом и против них на полях поставлен знак «NB».

|| (л.45 об.) ших в бунте и тогда только увидели что сие было действие общества); говорили о том что вероятно Муравьев что ни будь да предприимет, и что для сего непременно мне должно с ним видется и иметь верное решение Здешних членов, и что тогда я поеду к Муравьеву — Матвей же Муравьев должен отправится в Петербург а я возвратится домой и после контрактов ехать в Бобруйск уведомить о Том *Тизенгаузена* и *Бестужева* и с сим последним ехать в Петербург. Говоря что я поеду в Ригу где несколько проживу по делу чуждому общества — что там может быть встреча с Вольским и успею его склонить к содействию и после отправить в Петербург с донесениями обществу цели южных членов. Мне говорил Янтальцев о негодовании поселян, и говорил что естьли бы я пошел то пошел на поселян. Вот предметы о которых мы более всего говорили 29-го числа.

7-е.

После 26-го числа где решено было ни чего не предпринимать, а потому и я, отклонился от сообщения с Муравьевым и поездки моей в Петербург. я жил у себя в деревне ожидая участи неминуемой — 29-го числа последовало у меня в доме Арестование Лихарева. Признатся должен что при виде изступления жены его беременной, воплей матери моей, сестры и ужаса всех одолевший ¹ при будущем еще: все сие меня привело в забвение всего святого и добродетельного (не зная еще произшествия Петербурга и считая сие тогда за беззаконие как не виновными ¹ тогда в покушениях на новое правительство) ибо все было отменено. Я брату сказал друг мой теперь я должен исполнить обещание роковое, спасу вас от гонений; простис со мной, я тутже мертв паду, я преступления не переживу. Тут брат меня увещевал сколько мог, говорил на что ты покушаешся, подумай — и рыдания наши прервали горькия и ужасные для меня воспоминания. Таким образом я неоднократно говорил ему о сем, внушаемый каким то тайным духом || (л. 46) мне ¹ все мнимыя бедствия, как будто наступившее время мести самой лютой, казней самых жестоких, участи самой отчаянной для всех нас и семейств наших. Таким образом отравил я думы и чувства все свои.

Могу ли дать себе отчет в степени безразсудного моего изступления когда все сие я говорил в то самое время когда арестования умножались и 1-го числа Генваря я слышал все случившееся в Петербурге тогда когда я уверен будучи быть ежеминутно арестован предупредил мать свою и приготовился в путь совершенно — так скажу в утешение себя что ни малейшей не имел мысли тогда [отправиться ²] на исполнение моего ужаснаго преступления. Брат сам мой подтвердит что я говорил ему арест мой неизбежен и буду ожидать его здесь — и что ³ хотел ехать в Херсон на несколько дней по делу моему денежному; — так приходя в себе часто заглушал оставшимися добродетелями мое ужасное умышление. Так в час подобного вдруг изступления сказал я брату: Россия много теряет в лишении меня свободы — я еду на смерть.

¹ Так в подлиннике.

² В оригинале стоит слово, в котором, повидимому, пропущено несколько букв: «отравится», по смыслу следовало бы «отправиться».

³ Слово «что» вписано над строкой.

Я брату говорил что естли бы Янтальцев здесь был то я бы напомнил ему о поселении когда он говорил увидим какой оборот возьмет дело. а что я говорил брату что я присоединюс к Муравьеву то сие было среди горьких прощаний наших где говоря о положении несчастной матери моей я в утешение ему сказал — я увижус с вами я к Муравьеву присоединюс. — чтоб доказать сколь сие было мало основательно то напомню о письме полученном перед сим¹ Генералом Давыдовым² от помещика отставного Генерал Майора Алексей Петровича Орлова при мне и Давыдове в котором говоря о деле каком то денежном добавляет — Муравьев поднял знамя возмущения с пятью ротами Черниговского полка выступил из Василькова — но Генерал Лейтенант Рот, преследуя его лично с Артиллерией стеснил его и дело должно было быть кончено еще вчера. || (л. 46 об.).

Генерал-майор Набель приехавший для Арестования моего также говорил здесь — что дело кончено Муравьева. Трудно мне было иметь на него по сему надежды. — а что касается до достижения моего Риги, то брат упомянуть что я его еще просил писать особе, совершенно чуждой делу, что я уже там не буду. К тому же я Генералу Набелю севши в сани дал мое честное слово быть покойным на щет меня и что буду уметь себя вести как долг мой теперешний велит. При всем доверии моего спутника я ни в чем слову не изменил. — На щет Полковника Вольского я выше уже упомянул. — Скажу в добавление что сколько я знаю он обществу не принадлежал но что я говорил Муравьеву и Оболенскому старатса его принять — он мне обещаний никаких не давал. — Услышав о деле Муравьева я хотел о том уведомить Янтальцева и писал 4-го числа записку сего содержания: приезжайте откушать к Ген. Давыдову — здесь сообщу вам новости — записка сия его не застала и возвращена мне была. Я говорил о сем Давыдову дабы он дождался Янтальцева сказав ему я не разлучен буду с Янтальцевым. Но Давыдов уехал не дождавшись его — говорил что Дело Муравьева усугубит участь дела общества — желел о том. — Я же сказал естли бы я был в службе то верно участвовал бы с ним. —

В бытность прошлого 1824-го года у Давыдова не столько³ Бестужев сколько Сергей⁴ Муравьев говорил о сем и точно они его тогда сказали — я им сказал что мое мнение Южного общества и что его мнение многих членов в Петербурге, и когда я сказал, не понимаю каким образом Южное общество могло принять намерение сие когда два члена столь важных с ним не согласны; то Муравьев мне сказал, «я сему не противлюс а разсуждаю», на что и Бестужев сказал конечно мы двое в обществе ни чего не значим Покажу после доказательство что действия их были противны сему намерению || (л. 47).

¹ Слова «перед сим» вписаны над строкой.

² В подлиннике: Давыдова.

³ Далее зачеркнуто: «Мурав[ьев]».

⁴ Имя «Сергей» вписано над строкой.

Не упомяну довольно кому, я сие точно говорил Фохту или Майбороде: но сие намерение было не мое а Муравьева и Бестужева занять в случае действия Киев и арестовать Генерала от Кавалерии Раевского.

Подполковник Янтальцев был в сношениях с Давыдовым, Волконским, Пестелем, Муравьевыми, Бестужевым, Лихаревым, Юшневским, братом и мной и еще может быть но маловажные. Вообще содействия Янтальцева не было. Он влиянием своим мог многих преклонить и знаю что ни с кем не сообщался и ни кого не принимал. Хулил весьма меру Муравьева в приеме солдат, и вообще всякое послабление в управлении их. Когда Давыдов приехал от Волконского где виделся он с Пестелем, то мы были на няинин день у Генерала Раевского — *Давыдов говорил Янтальцеву*. Здесь решено ничего не предпринимать без действия Северной Управы в Петербурге а в случае оного то вы должны тогда присоединиться к Пестелю на что Янтальцев ему отвечал, я знаю сам что делать и пойду туды куды я хочу, после чего они сухо расталис с Давыдовым. При получении известия о арестовании он много тужил о участи арестованных, а еще более о будущем. Но действовать не хотел, говоря что должно ждать последствий дела, и естли пойдет худо то тогда уже нечего делать. В таком случае только пойду на пролом, и пойду на поселения. Здесь он мне говорил о негодованиях поселян, но члена или кого нибудь из приверженных сей цели не упоминал. Мнение его было также чтоб действие возымело свое начало в Петербурге и согласен был что естли дело общества примет оборот дурной, то во время Коронации действовать в Москве но себя не предлагал. Вот все что могу сказать о нем.

Я точно имел у себя печать Генерала Байкова в начале 24-го Года, когда ожидали прибытия в Армии Генерала Ертеля, то К. Волконский мне ее отдал говоря, спрячь ее брат у себя. на вопрос мой, что || (л. 47 об.) это за печать; он мне объявил что хранил ее на случай нужды распечатывать бумаги на щет дела Майора Раевского. Он мне говорил что некоторые и распечатовал. С тех пор она у меня была без всякого употребления и он у меня ее не спрашивал. Так она у меня и оставалася. —

К 11-му пункту добавлю что 23-го же числа когда я говорил Янтальцеву что естли решатся здешние члены на действие то сообщу сие Муравьеву¹; поеду с Матвеем Муравьевым в Петербург и что для действия там на покушение жизни Государя Императора будет и Бестужев которому дадим знать — также говорил что Барятинский должен ехать как известной содействиями своими. —

На конец коль Богу угодно открыть было все наши злодеяния, и слышанные помышления и явить признанием нашим сколь мы преступны в отвержении всего добродетельного и отечественного: скажу о всех умышлениях мною слышанных, скажу сколь они были понещастию обыкновенны мыслям членов общества и сколь они не возможны в исполнениях — так

¹ Зачеркнуто: «и».

еще Бог поставил преграду между ими и преступлениями самими, Так Бог хранил еще самих преступников в злодеяниях последних, покусится на жизнь Царскую!!

Мне Матвей Муравьев говорил что было умышление подобное в Москве в прошлом 1817-м Году — что до пятидесяти членов составляли сей ков — что им управлял Полковник Александр Муравьев, что назначено было уже ¹ час и место...

Мне Матвей Муравьев говорил что Пестель имел предприятие исполнить сие злодеяние составлением из некоторых людей наименовав сие «la garde perdue» ² хотел ее препоручить Лунину и с сим привести в действие ³ цель Южного общества... ⁴

Сергей Муравьев и Бестужев имели сие самое умышление в Бобруйске... Сергей Муравьев и Бестужев имели сие умышление при осмотре 3-го Корпуса на что были заготовлены || (л. 48) и солдатские мундиры в кои должны были нарядится бывшие в умышлении, сменить часовых в час ночи и совершить злодеяние... В бытность мою в 1824-м Году у Пестеля показывал он мне донесение Бестужева о сношениях его с Польским обществом под заглавием: «Rapport au directoire secret sur les conférences secrètes avec la société Polonoise» ⁵ где было имянно требовано покушение на жизнь Цесаревича Великого Князя Константина Павловича и сие было обещано в том же году польским обществом, сие должно было иметь последствие тоже и в нашем обществе — ожидая как говорили тогда что Двор Императорской будет иметь свое пребывание в Москве.

Пестель ⁶ мне говорил здесь о всем плане его введения чистого народодержавного правления. Должно было быть учреждено временное Правительство основательное же составлено должно было быть из трех членов; Верховная Дума (Sénat Conservateur) и Народное Вече из представителей народа. — Я во всем с ним соглашался — сие имело одобрение всех. — К сему исполнению мне Пестель сказал: мне нужно теперь двенадцать человек надежнейших и я поручил сие Барятинскому составить и что уже некоторых имеет — не помню хорошо кажется упомянул что и Бестужеву дал сие поручение. Сей не однократно в разговорах наших мне говорил — Я имею людей для удара... Я меры сии одобрял.

Какой рукой разрушились сии замыслы естли не той самой которая хранит еще человечество от возможности подобных исполнить злодеяний ⁷. Теперь прошу Высочайше учрежденного Комитета дозволить мне пояснить причины побудившие к утайке сих последних показаний. Я знал более всякого сколько чистосердечными признаниями во всем я мог || (л. 48 об.) на себя обратить Милосердие Государя Императора. Первые слова коими удостоил Его Императорское Величество меня были обещанием облегчения моей участи при признании моем; Его Императорское Высочество также милостиво допрашивая меня на едине изволил тоже самое сказать; на конец и Высочайше учрежденный Комитет изъявил мне при начале допросов сие самое милостивое обещание Его Императорского Величества. Я знаю сколько слова Монарха священны! Так я в показаниях показал все что

¹ Слово «уже» вписано над строкой.

² Франц.: «обреченный отряд», т. е. отряд царевубийц.

³ Слова «в действие» вписаны над строкой.

⁴ Многоочия здесь и далее в подлиннике.

⁵ Франц.: «Донесение тайной директории о тайных совещаниях с Польским обществом».

⁶ Первоначально: «Бестужев».

⁷ Так в подлиннике.

клонилос к делу общества, утаивая цель его ужасную, не мог решиться явить тем пример неслыханного злодеяния в раскаянии моем теперь! Однакож подвижной убеждением моим в пользе открыть подобные умышления, не в оправдание говорю решился и приготовил показание в коем уличая себя в преступлении моем ужасном пояснил также и прочие подробности общества к ужасной цели его касающихся¹. — Хотел просить дозволения вручить лично Его Императорскому Высочеству, но когда тот час настал то признаю остановился: не страхом усугубления участи моей и многих, не страхом даже и смерти ибо для преступника каков я, страх в одной лишь жизни; но сильными терзаниями от убеждения моего в неистовстве моих умышлений преступных! Так не имел я духу предстать с признаниями злодеяний моих и всех Его Императорскому Величеству в то самое время когда милосердие особенное было над мною, когда поднес еще, уличенный и сам сознавший еще участь моя не усугублена!²

Поверте словам чистосердечным что одно раскаивание сильное, внушное Милосердным мне Государем Императором лишило той необходимой силы и тех нужных добродетелей (последняя преступника³) чтоб² сознать себя столь виновным пред Благотворителем моим!

Все что может служить к дальному открытию дел общества обещаю содействовать самим чистосердечным признанием.

Отставной Подполковник Поджио³

Генерал Адъютант Чернышев || (л. 49)

№ 11 (10)⁴

1826 Года Марта 3 дня от Высочайше учрежденного Комитета Отставному Подполковнику Поджио дополнительные вопросныя пункты.

В данных, на вопросы от 16-го минувшаго февраля дополнительных ответах вы не означили ни чинов, ни имен тех четырех членов живущих в Петербурге, на содействие коих надеялись в совершении известного предприятия, ни ясных причин, по которым уверены были в их готовности на участие в преступном умысле.

Равным образом, в сих же ответах вы говорите, что *печать* данная вам для хранения Князем Волконским, *была дежурнаго Генерала 2 Армии Байкова*; а Князь Волконский показывает, что печать сия была *Председателя Полевого Аудиториата Волкова*.

По сему Комитет и требует от Вас откровеннаго пояснения:

1.

Каких чинов, как по именам, где служат и теперь находятся те Муравьев, Голицын, Оболенский и Митьков, которых разумели вы готовыми разделить с вами преступное предприятие в Петербурге? || (л. 49 об.).

¹ Так в подлиннике.

² Слово «чтоб» вписано над строкой.

³ Показания написаны А. В. Поджио собственноручно.

⁴ Вверху листа помета карандашом: «Важное и нужное», ниже приписано чернилами: «читано 7 марта».

2.

По каким видам, или удостоверениям, вы считали лиц сих, столь же ревностными членами злоумышленного общества, и столь же решительными для означенного предприятия каковы были сами?

3.

Утверждаете ли показание ваше, что данная Волконским Печать точно была Байкова, или соглашаетесь с отзывом Волконского, что она принадлежала Волкову? —

4.

Объясните с возможною точностию, когда, где и кем именно из членов сделано было первое предложение о уничтожении Государя и всех священных особ Императорской фамилии? Кто именно присудствовал при разсуждениях о сем и одобрил такое преступное предположение, и с которого времени, Каким образом соделалось оное господствующим и общим для всех членов? на конец, где и кем именно предположено было сие злоумышленное действие началом к революции? —

5.

На сем же основании поясните и о том, когда, где и кем именно из членов принято было в первый раз решительное намерение ввести в России Республиканское || (л. 50) Правление посредством Революций?

6.

Равномерно, кто из членов наиболее стремился к утверждению в обществе и совершению намерений изложенных в предыдущих Пунктах 4-м и 5-м?

Генерал Адьютант Чернышев || (л. 51)

№ 12 (11)

Высочайше учрежденному Тайному Комитету честь имею представить нижеследующие дополнительные пункты:

1.

Члены общества названные мной, как мне лично известными мнеением своим согласными в преступном начале действия общества были: отставной подполковник Матвей Иванович Муравьев-Апостол, Камер-Юнкер Двора Его Императорского Величества Князь Валериян Михайлович Голицын,

Адъютант Генерал Майора Бистрома Порутчик Князь Евгений Оболенский, и Финляндского полка Полковник Митков. — С Муравьевым я виделся в начале 25-го Года, а с сими последними с 1823-го в конце я не видался.

2.

В бытность мою в Петербурге по частным сношениям моим с поясненными лицами, удостоверился в согласии их в сей преступной цели общества. Не говорю как я и сказал в показаниях моих, чтоб кто нибудь обещался быть исполнителем сего ужасного предприятия; (мы о сем и не говорили) но говорю, что вообще сие было их мнение; то есть: приступить к началу действия Сим преступлением. Впрочем говоря Давыдову о сем я наименовал себя и их как готовыми участвовать в деле, всем обществом; (как сие давно уже было предположено чтобы в Петербурге возымело свое начало) и ссылался на то и на слова *Полковника Пестеля которой в 1825-м Году мне говорил что сие одобрено всей Управой в Петербурге. Полковник Пестель может сам сказать мое ли это одного мнение или уже давно принятое.*

3.

Не зная герба точного печати Генерала Майора Байкова, не могу о ней судить точно ли она как я упомянул, или Председателя Волкова, Помнится мне что Князь Волконской сказал || (л. 51 об.) что якобы Генерал-Майора Байкова. Помню четыре маловажных ордена в печати.

4.

Не могу с возможною точностью пояснить когда, где, и кем имянно, из членов было сделано сие первое предложение; знаю что в 23-м Году, оно существовало; и так как я в начале того Года принят, то всего мне не открыли; но в том же Году когда Князь Борятинской приезжал в юне месяце в Петербург с письмом к *Никите Муравьеву*, то сей мне оное показывал — письмо было писано самим Пестелем — он требовал содействия поспешного и между прочим говорил сими словами «nous voulons avoir maison nette»¹ Князь Борятинской мне говорил изустно о сем предположении и Матвей Муравьев также: что сие одобрено всем Южным обществом. Я согласился в мере сей преступной и сообщил ее Князю Валериану Голицыну которой также согласен был. Тогда того же мнения были Полковник Митьков, Корнет Ватковский с прочими же членами не был в таких сношениях чтоб удостоверится лично. Князь Оболенский должен о каждом знать члене. Порутчик Никита Муравьев тогда мне не говорил о всей Императорской Фамиллии, но упоминал о одном Покойном Государе. В 1824-м Году я застал сие предположение Господствующю целью в южном Обществе и всем членам открытая. Когда, и где, и кем имянно, предложено при том я не был, а находился после при суждениях о сем и одобрял ее. Сергей Муравьев и Бестужев говорили всегда что для начала действия довольствовало² покушением на жизнь Одного Покойного Государя — сие потому они говорили ибо не надеялись на совершение всего преступления в Петербурге и что медленность будет в начале революции. || (л. 52).

¹ Франц.: «мы хотим иметь дом вычищенным».

² Так в подлиннике.

Сие мнение было общее прежде, но когда Южная Управа положила приступить к последнему предположению, то тогда на все покушения Муравьева * управа сопротивлялася положив начало действия в Петербурге и с совершением всей преступной цели. В 1824-м Году в конце Полковник Пестель отправился в Петербург для установления сего предположения и в 25-м Году мне говорил что всеми там одобрено. —

5.

Я думаю что сие возымело начало свое после уничтожения благоденствия когда Пестель и Сергей Муравьев с прочими еще утвердилс в продолжении достигать цель их. Полковник Пестель и Юшневский как правители управы должны сие знать — вероятно не произошло ли сие при избрании их в правители управы где верно рассуждали о цели возрадившагося общества; где и сие было, того не знаю — все уже было до меня решено. —

6.

Из членов мне более известных, и в которых лично мог удостоверитс были Пестель, Сергей и Матвей Муравьевы, Бестужев, Давыдов, Юшневский, Барятинской, Валерян Голицын, Ватковский, Митьков, Оболенской и на конец и я, которой признатс должен всегда одобрявал их мнения присоединяя и свои. — Вот те о которых я знаю — теперь каждой из сих должен иметь свои сведения о прочих. — 1826-го Года Марта 4-го дня.

Отставной Подполковник Поджио¹

Генерал Адъютант Чернышев. || (л. 52 об.)

Сверх дополнительных сих ответов на пункты мне данные Высочайше учрежденным Комитетом, честь имею дополнения сии еще представить: Князь Барятинской приезжал в Петербург в 23-м Году как я сие уже показал, и требовал решительного пояснения от Никиты Муравьева в следующем: Какой успех общества в числе членов, на какие силы он надеется. — может ли отвечать за оныя, готовы ли к действию или может ли отвечать за содействие при востребовании Пестеля. Все сие было заключено в письме и Барятинской изустно ему при мне сие говорил. Муравьев говорил что молодые люди не о том думают, что здесь ето трудно — вообще не брал того участия как я о нем слышал. Однакож обещалс ему содействие свое; ответ письма его к Пестелю не знаю — вероятно писал. После сего приступили мы к принятию членов и Муравьев созвал к Пушкину всех тогда находившихся здесь членов. Тут учредили управы а главной были избраны Муравьев, Оболенской, и Князь Трубецкой. Однакож Матвей Муравьев и Оболенский Говорили о бездействии Никиты Муравьева и при отъезде моем Матвей Муравьев просил меня о том донести Южной Управе. После отъезда моего были здесь К. Волконской и Давыдов и с известиями о здешних

* кон я пояснил в показаниях моих 19-го февраля. — В бытность мою в сношениях с Южной Управой я также был того мнения то есть: что начало действия быть в Петербурге должно. (Примечание в подлиннике.)

¹ Показание написано А. В. Поджио собственноручно.

делах отправились на контракты — куды прибыл Пестель, Юшневский, Сергей Муравьев, Бестужев. Я приехал туды в конце Генваря и потому не застал уже Пестеля при котором происходили все суждения. Я здесь Юшневскому должен был как сие требовали от меня подробное сведение дать ¹ о деле в Петербурге. Я говорил что Никита Муравьев не тот уже, как вы говорите, что он сделался весьма осторожным и что вряд ли там общество возымеет тот успех как на Юге, — вы знаете сколько его важно не обманыватся в человеке вам много обещающий ² и там где общество хочет действие свое иметь. Тут положено было все Пестелю донести ибо без него ничего не делалось — добавил им что надеется нечего на содействие Петербурга ибо || (л. 53) до сих пор как вы видите общество ни чуть не увеличилось они все надеялись что Матвей Муравьев все исправит и будет о всем доносить, и что оттуда не отлучится. Для сего он туды был и послан. Я предложил удалить Никиту Муравьева от управления управы, сие было одобрено, и все сие должен был решить Пестель. Здесь говорили о важности Петербурга и сколько обманывались на счет тамошних содействий и сил. Сергей Муравьев говорил что цель можно исполнить и здесь при смотре каком по близости, что стоит только начать; я возражал на его каким образом он не согласен с целью общества совершить сие в Петербурге, на что он мне сказал что его мнение одного ничего не значит, но что готовность его действовать заставляет его избрать удобнеее. Говоря что других членов Императорской Фамилии можно изгнать; говорил что Петербургския дела не должны останавливать Южные, напротив, тем более усиливатся и естли увидим что там дело не пойдет: то ждать не станем — одним словом не упомяну всех толков подробно, знаю что обращено было внимание на Петербург; ибо покмест не съездили Давыдов и Волконской которые при свидании с Матвеем Муравьевым и узнали что успех в деле не таков как они себе воображали в южной управе, к тому же и мои подтверждения достаточны были чтоб после заставить Пестеля ехать в Петербург и самому сие устроить как он желал. В 1823-м Году мне Матвей Муравьев говорил что отвергали республиканское правление в Петербурге потому что упрекали Пестеля в честолюбивых видах и в *Диктаторстве* известна там была его Конституция основанная на республиканском правлении. Мне о ней говорил Матвей Муравьев. Никита Муравьев о сем должен знать. Помню еще при соединении членов в || (л. 53 об.) Киеве, Юшневский обнял Бестужева и благодарил от имени общества за соревнование его успешное в сношениях с Польским обществом и вообще за его содействия.

В 1824-м Году в бытность мою у Пестеля сей мне говорил что получил известия от Матвея Муравьева который уже не в Петербурге а в деревне своей; что он замечает холодность в нем к нему, что он решилса сам ехать в Петербург и во всем своими глазами удостоверитса — с тех пор была видимая холодность между им и Муравьевыми и Пестель говорил мне что сомневался в их к нему дружбы и полагал их хотевшими отделитса от него. В 1825-м Году после поездки своей в Петербург, объявил мне что он все дело кончил, что имел сопротивления и в споре не знаю с кем, хлопнул рукой по столу примолвив «Так будет же Республика», но что после все были согласны с сей дружной целью. — В бытность мою в Петербурге несколько дней перед отъездом моим встретился я у Оболенского с Полковником Митковым — помню сидели мы особенно он, я и Князь Валериян Голицын. Говоря о обществе, о несогласии всех в цели южной управы

¹ Слово «дать» вписано над строкой.

² Так в подлиннике.

Митков спросил меня «какого вы мнения», я говорил ему что я принял мнение южного общества то есть республику с совершением преступления всех членов Императорской Фамилии на что он мне сказал мое мнение до корня!.. Князь Голицын согласен был с сим!

Так исполнен был язык наш сим смертоносным ядом о котором говорит священное писание и которое¹ ввергает человека в согрешения!..

Отставной Подполковник П о д ж и о²

Генерал Адъютант Ч е р н ы ш е в. || (л. 54)

№ 13 (12)

Ваше Превосходительство,
Милостивый Государь!

Высочайше учрежденный Тайной Комитет в последних допросах требовал от меня пояснения с возможною точностию о нижеследующем: Когда было принято мерой покушение на жизнь всей Царской Фамилии, кем оно было предложено, кто присудствовал, мнение каждого из членов при сем находящихся и каким образом сия мера соделалася общею для всех?

Хотя я на сие отвечал Высочайшему Комитету со всею искренностью, сказал сколько я всегда был в сем мнении, однакож не вместил тех подробностей могущих дать истинное понятие о себе и о тех кои управляя обществом, давали ему и направление. Не мог также дать пояснение о настоящем времени предложения сей меры — ибо поступив с 1823-го Года в общество — республиканское правление было принято до того времени целью нераздельной Южной Управой. Вероятно предложивший республику предложил и меру для безопасности своей! Так не усташус безвинно может быть уличить в том Пестеля, когда все нижеследующее меня в том убеждает. Но так как я всегда сильно поддерживал, и говорил о сем мнении, то не могу иначе преступить к сему, как с обвинения начав самого себя; так пусть я ошибался в мнении общества, что я по всем хотя, довольно ясным доказательствам, ложно толковал их сам себе, и что *один*, я, увлеченный собственным своим убеждением в необходимости сей ужасной меры, предположил целью свою; пусть я убеждался в ней, не скрывал ея, говорил, твердил сколько они отвратили могущие возродится покушения || (л. 54 об.) в пользу одного из членов как одного пола так и другого Царской Фамилии и тем отвратить междоусобия могущия раздирать Отечество мое; но я говорил, не скрывал устами тая сие в сердце говорил, и признаю, и каюс, и получу возмездие мое. Но да не утоятся те первые, кои теперь хотят быть последними, или на равне с другими, те внушители кои теперь казатся внушенными; сии те самые кои не говоря сами лично покушатся на убийство, столь искусно убийству научали. Нет не себя я в сим оправдываю, и не усугубить желаю я тем участь их, но да воздастся каждому по его делам, и преступление да возымеет свою степень! —

И так я сие Говорил, говорил и неоднократно но кому? вам Пестель, вам Муравьевы, вам Бестужев, достаточно сего! приступлю к разбору сего дела с самими основательными истиннами.

¹ Слово «которое» вписано над строкой.

² Показание написано А. В. Поджио собственноручно.

Мерой в чем я после удостоверился и было после мне объявлено было принято, скрывать вообще лица главной управы; пребывание ея, и цель настоящую; — дабы тем в случае открытия, она была последнею; цель во все не открывать, дабы тем не изумить и отвратить, а мало по малу вводить в сие беззаконие. Пусть я поступил в общество с моими выше упомянутыми понятиями, не себя преступного хочу шадить я сим; но вот уже и не мое. В Мае месяце 1823-го Года¹ прибыл сюды К. Барятинский; он вручил мне письмо от Давыдова, по коему я увидел что податель оногo член и потому должен был открытсa ему. Он спросил меня о делах здешняго общества, я ему сказал на сие что я был принят строго, не имел права сообщатсa, ни принимать и что сношения мои с одним Никитой Муравьевым с которым однакож мы редко видимсa и о сем сносимсa. || (л. 55). Я его видел мне гов: Барятинской съезди пажалоста к нему, и узнай что он думает о письме Пестеля, и на что хочет решитсa. Хотя я многия сии обстоятельства и пояснил Высочайшему Комитету, но повторяю Вашему Превосходительству дабы не прервать нить всех заключений. Муравьев мне стал читать письмо заключающее убедительные самые допросы о успехе общества, о числе членов, и силе войска к цели склонного; может ли отвечать за преданность членов и силы их, одним словом, чтоб пояснил когда он думает быть достаточно сильным чтоб быть готовым к возстанию по первому требованию его Говоря: *les demi — mesures ne valent rien; ici nous voulons avoir maison nette*²; на его мне Муравьев говорил вить они Бог весть что затеяли они всех хотят. После сего мы имели свидание в Летнем Саду; где К. Барятинский Гов: Муравьеву что он прислан для того чтоб иметь решительной ответ на что он решитсa; Муравьев ему Гов. что молодые люди не к тому склонны впрочем, *nous comptenceronс absolument par la propagande*³. Не знаю что писал Муравьев Пестелю я же отвечал Давыдову, обещая ему все возможное мое содействие. После сего Барятинский принял Вотковского говоря, *c'est un bon bras et c'est ce qu'il nous faut*⁴ а я говорил Муравьев ищет все толкователей Бентама а нам действовать не перьями. — Так Барятинской и уехал. Спустя несколько времени мы выступили в лагеря; там я имел частые свидания на бумажной фабрике с Муравьевым; толку было много а дела к щастию мало, ни он, ни я, никого не принимали. Однажды он мне вручил лист литографированный — то было изложение общих правил Союза Благоденствия. Просил меня || (л. 55 об.) извлечь, удобнейшее и присовокупить новые определения: наши на щет приемов членов. В иных изменениях было и то, что член не может принять кого либо без уведомления в том управы, и соизволения ея на то. Была назначена одна главная управа и сем посторонних — цель глухо изложена, введение представительного правления и что при возстании (как сие было сказано все следующее в листе), все должны соединитсa под знамена свободы; и что предатель отдастсa на мечь всего союза и внесетсa имя его в черную книгу и прочее но в кратце. После пришествия из лагеря Ватковский говорил мне что делает Муравьев, что Князя Белосельский и Щербатов бывший адъютантом Генерала Уварова смеются над Муравьевым; говоря что он много им открыл не принявши их что они часто говорят о обществе; я сие сказал Муравьеву упрекнул его в неосторожности, и в его полумерах и что открываяс таким образом он обнаруживает не только себя но и всех. В октябре месяце получил я записку от Муравьева где он

¹ Слова «1823-го Года» вписаны над строкой.

² Франц.: «полумеры ничего не стоят; здесь мы хотим иметь дом вычищенным».

³ Франц.: «мы начнем безусловно с пропаганды».

⁴ Франц.: «это храбрец, таких нам и надо».

меня приглашает приехать к Пушкину в 10 часов вечера, куды я прибыл: Здесь были Матвей Муравьев, Тургенев, Брыгин, Нарышкин, Оболенский, Пушкин, Митьков¹. Я читал им правила мной извлеченные (сие я показал прежде) на что Тургенев сказал: это почти тоже что и Благоденствие. Тут приступили к избранию — пало на Тургенева он отказался, говоря что занятия его² ему сие не позволяют что уже столь был неудачен в правлении что не хочет более того², но что от общества не отклоняется — Избраны были Никита Муравьев, Оболенский и К. Трубецкой здесь не находившийся. Всякой наименовал членов к принятию, я назвал Валерияна Голицына, Пушкин Рылеева, говоря что с ним присоединится какое то и морское общество, коего Рылеев член; все его одобрили. Суждений о цели общества не было. Должны были заняться работами || (л. 56) Тургенев взялся писать о суде присяжном. После сего я был до отъезда моего в непрерывных сношениях с Матвеем Муравьевым и Оболенским. Матвей Мур. был здесь имянно для водворения республиканского правления изложенного Пестелем; здесь он мне говорил как страшатся тут Пестеля, как желающий будто присвоить власть к себе, но что он уверен в нем и не полагает таковым. Тут он мне изложил подробно план весь Пестеля, и говоря однажды о совершении умышленного преступления: Пестель хотел составить из отважных людей *une garde perdue, la confier à Lounin et faire main basse sur tous*³ говоря о сем *c'est bien là un homme à le faire*⁴ — но его нет и сношения наши с ним как то прервались. Мое же мнение говорит мне, сие произвести заговором отдельным от общества чтобы отвратить сие преступление от него. Преступление было покушение на всех особ Царской Фамилии. Я оправдывал сие. Помню что доетого приехав раз к нему и возвестив ему о смерти Риего говорю; погиб человек хотя тот самый, которой уничтожил Инквизицию пытки; избавил много заточенных тех самых провозгласивших в 1809-м году Конституцию; проливши кровь свою для избавления ея, отечество свое от Ига Наполеона; та самая Конституция которою Государь Наш признал настоящею в 1812-м Году в Великолуцком трактате с Испанией и которую однакож теперь разрушили как незаконную говоря: что Политика Государя нашего прежде движимая избавлением народов теперь обратилась на подавление их. Матвей Мур. мне говорил Риего сам виноват, должен был основать республику и ни как не верить присяге Тирана — Говорю Вашему Превосходительству о сем || (л. 56 об.) чтоб пояснить от части те мысли мои и других подобных кои по нещастию меня убеждали в той цели о которой я говорю. Ни дивитес тому каким образом уподобляли мы России Испании не имея ни инквизиции ни тех пыток, словом ни тех гонений; но мы в умышлениях наших отвергали сие предвидя в будущем сие. Вот как себя губили в настоящем! —

Я виделся раз с Митьковым, после сего, где я ясно видел что покушение на жизнь всей Царской Фамилии было принято Южным обществом сие было у Оболенского. Говоря между прочим Митьков меня спросил какое ваше мнение на шет меры к приступлению действия цели Я ему говорю — покушением на жизнь Царской всей Фамилии — Я также того мнения⁵ мне говорит, до корня. Валериян Голицын тут бывший говорил тоже. Оболенский занят был и не был при сем разговоре. Сей неоднократно говорил на вопросы мои и

¹ Фамилия «Митьков» вписана над строкой.

² Слова «его» и «того» вписаны над строкой.

³ Франц.: «обреченный отряд (т. е. отряд царевубийц. — Ред.), доверять его Пушкину и истребить всех».

⁴ Франц.: «он именно из тех, кто способен на это».

⁵ Слова «того мнения» вписаны над строкой.

Матвея Муравьева, что Никита Мур., медлит дела; что он Оболенский ¹ не довольно опытен и может быть и неосторожность не должна быть в управе, что они ничего не делают. Тогда отъезжая из Петербурга мне Матвей Мур. поручил сказать что Никита Мур. все дело останавливает, что его должно сменить, что я и обещался. Перед выездом моим мы съехались к Митькову.

Между прочими был здесь и Рылеев; я в нем видел человека исполненного решимости. Здесь он говорил о намерении — его писать какой то катехизис свободного человека, знаю весьма преступного; и о мерах действовать на ум народа как то: сочинением песен пародиями существующих иных; на подобие Боже Спаси Царя Пушкиным пародировали и песнь «Скучно мне на чужой стороне», || (л. 57).

Здесь говорил Рылеев о морских офицерах и не помню точно что предложено было на счет Царской Фамилии. Отправившись из Петербурга в начале Декабря я был на пути задержан болезнью и потому опоздал к контрактам в Киев. Имел бумаги к Пестелю от Никиты Мур. — Между тем были здесь Давыдов и Волконский и успели на контракты прежде меня. В 1824-м Году съехались Пестель Юшневский, Сергей Муравьев Бестужев Давыдов и Волконский — что было их толками суждениями не знаю довольно; но приехав 26-го числа Генваря, Пестеля уже там не застал. Тут Пестель был уведомлен Давыдовым обо всем что в Петербурге творилось и потому вероятно суждений много было. Давыдов меня встретив, говоря что в Петербурге новое морское общество присоединилось к нашему, что дела там пошли с успехом — я говорю, имею противное; хотя вы и после меня были но поясню вам тамошнии препятствия. Юшневскому я должен был сказать все мне сказанное Матвеем Муравьевым и говорил сколько необходимо сменить Никиту Мур. Спросил также какая цель общества, я говорю что мнение разделено — что иные хотят республику с покушением на жизнь всей Царской Фамилии а что другие как мне говорил Матвей Муравьев отвергнули республику — Не помню довольно что тут говорено было — Юшневской уехал скоро; Сергей Муравьев мне говорил *Ce que vous dites sur l'opinion de toute la Famille est horrible, il suffirait de la mort d'un seul* — ² Я говорю, лично до меня вот мнение мое: излагая мои все вышеупомянутые причины говоря все что сие совершить должно ³ в отвращение раздоров внутренних. Но скажите мне || (л. 57 об.) говорю ему каким образом вы столь влиятельной член общества противны сему мнению Южного Общества — он мне на сие сказал — мнение мое и Бестужева ничего не значут, я знаю что не останавливаю тем цель прочих но рассуждаю о сем так скажу и то, что может быть был он в сем и чистосердечен — но узнав после что в одно и то же время когда они сие говорили уже требовали изведения Цесаревича Константина Павловича, я ни чему не верю им после сего двуличества — так они всегда сию меру употребляли как будто чуждаясь преступления а между тем в тайне умышляли оныя, и тем так искусно умели других к тому наставлять устороняя себя самих от оных! Но вот пружина сей мысли Муравьева. Сей хотел непременно действия чему всегда противился Пестель — можно сие из того видеть что предложения на сие всегда были от Муравьева — Сей видя что совершение всего преступления не может иначе совершится как в Петербурге, что по слышанному надежды на то мало и потому замедлитса действие, был противен тому хотев всегда быть первой в начале возстания ⁴ нанесения de la

¹ Слово «Оболенский» вписано над строкой.

² Франц.: «то, что вы говорите о мнении покусьтся на всю (царскую — Ред.) фамилию — ужасно, достаточно смерти одного».

³ Слово «должно» вписано над строкой.

⁴ Слово «возстания» вписано над строкой.

grand coup du bien-être¹ как он говорил. Пестель зная *очень*, весьма, более всякого ибо более всякого имел в том свои виды, что изведение одного не достаточно чтоб водружить цель его, и что вероятно наследник Трона не устратится имяни его или Муравьева и довольно будет всегда могуществен чтоб ниспровергнуть их, располагал сие иначе и потому всегда тому сопротивлялся или соглашался на то чтоб в тоже время был нанесен удар в Петербурге; для чего он думал употребить Матвея Муравьева вот что я знал о сем в начале 24-го Года || (л. 58) В том же Году до Сентября месяца был я в полку и ни кого к тому не склонял — признаю видел людей вблизи, видел самоуправие большое словом не было во мне того прежнего содействия. Пестель о сем слышал, и наконец столкнулся я с человеком тем славой которого все уши мои были полны — я столько знал, столько слышал что он уже не мог меня удивить не умом, не умышлениями ни чем. Хотя он и знал что я кое что читал и понимал, хотя и знал решимость моих мыслей, ибо до того еще спрашивал у Давыдова не нужно ли Поджию пошпорить? (так он называл средство для доведения к тому людей вялых, осторожных и страшящихся преступлений), хотя Давыдов ему и сказал что сего не нужно, однакож по обыкновенно своему испытывать оспаривать человека даже в том в чем он был сам убежден дабы чрез то усмотреть способности всякого и твердость в мнении, он счел за нужное начать со мной с Азбуки и в Политике и преступлении и действии. Вот три предмета кои были им употреблены для испытания моего. Начал от Немрода, подробно, медленно переходил через все изменения правлений, понятий народов о них; коснулся к временам свободы Греции, Рима, говоря сколь мало она понятна была не имея представительства своего; — процесса быстро мимо Варварских веков средних времен поглотивших свободу и просвещение; — приостановился на революции французской, не упуская из виду, нерешимость одной цели, непрочности в достижении ея и основании, и наконец пал на Россию. Тут он направил на нее все свои ядовитые стрелы, стал говорить о монархическом правлении, сколь оно несогласно с представительным || (л. 58 об.) как сила одного разрушает силу другого, сколь оне в существе своем разнородны и не совместны, сколь при таком роде правления не возможно установление прочной системы равновесий властей; противуборство одних с другими сколь наследствие престола по первородству противно цели всякого благоустроенного государства; как предполагать тех нужных свойств в первородце для управления государства; коснулся к избирательному на царствие правлению, не упустив всех пагубных последствий его в возрождений междоусобий и внутренних раздоров и на конец ввел меня в свою Республику им предположенной и основанной на народном представительстве. На все спрашивал мое мнение Я ему отвечал убеждением моим и примолвил, что сие вы почерпнули у Тестю де Траси, и² его разбор о духе законов Монтескье весьма искусно превратили в систему математически изложенной добавив что я во всем согласен, что нахожу что предшественники наши в преобразовании Государства были ни что как ученики еще, что наука сия была в детстве и на конец примет свои положительные и неизменные правила. На сем кончилось испытание мое в сведениях моих политических и согласия моего на введение сего рода правления в России. Здесь говоря ему о Фохте он меня убедил принять его, что я сей час же и сделал. Сей до того отличнейший офицер никогда не имел ни понятий, ни наклонностей, и я первый (терзаюс сим) совратил его с пути! — || (л. 59).

¹ Франц.: «великого удара для общественной пользы».

² Далее зачеркнуто: «весьма».

На другой день приехав к нему нужно было сделать испытание над склонностями моими в преступлении ибо без сего нельзя было приступить к действию, как ¹ последний предмет. Здесь начался разговор, скажу, между двумя ужаснейшими в умыслениях человеками, стремящихся к одной цели, но каждой движимой побуждениями разными один свирепел в пользу всех и своей, другой кипел единственно для пользы всех и даже гибелью своей! ² Так я мыслил: Приступили к заговору и совершению невероятного покушения даже и в исполнении! ³ давайте, мне говорит считать жертвы, и руку свою сжал чтоб производить щет ужасной сей по пальцам — Видя Пестеля перед собой, я стал называть, а он считать; дойдя до женского пола он оставил меня, говоря знаете ли, что это дело ужасное ³; — я не менее вас в том уверен; но тут уже я видел, что он хотел мне дать усмотреть что я безчеловечнее его; — признаюсь. Мне сие больно было не менее и теперь еще; но прерву сие, приношениями, слов сих Богу моему, коего не взывал тогда но коего дерзну воззвать теперь: «Сниди Господи в душу ты мою и воззри в ея преступную, ужели к терзаниям моим присоединишь и те что я к сему кого, Пестеля склонил! ² «Но вот последует и земное утешение для меня» я говорил но еще не научал: Сей час же после сего опять та же рука стала предо мной и ужасное число было тринадцать! на конец остановившись, он видя мое молчание, говорит так по етому и конца не будет; ибо также || (л. 59 об.) должно будет покуситься и на особ Фамилии в иностранных краях находящихся. Да, я говорю, тогда точно уже конца ужасу сему не будет, ибо у всех Великих Княгинь есть и дети говоря, что для сего провозгласить достаточно отрешения от всякого наследствия; добавив, впрочем кто захочет столь окровавленного Престола! —

В след за сим он мне говорит я препоручил уже Бяринскому приготовить мне двенадцать человек решительных для сего! довольно мне было сего чтоб видеть что до меня сие было уже принято; сообразив число сие и изведение Цесаревича Константина Павловича польским обществом не усумнится что число, уже было жертв щитано, Так, я говорил о сем, считал ужасно; но были такие которые даже меня превзошли приготовив людей к тому! Прибавлю к сему слова *maison nette, et la main basse sur tout* ⁴ и достаточно чтоб не укорить себя еще и в том преступлении, что я их всех к тому склонил. Впрочем равно приступен! Конец сему неистовому разговору, но да не будет ему конца в терзаниях наших! Теперь приступлю к действию и покажу сколько властолюбие было в нем господствующею мыслей, и сколько тот которой мечтал о той славе должен был и думать о мерах безопасности своей. Хотелось бы мне говорит узнать от вас мнение о лицах должностующих вступить в управление нового порядка; — вы знаете что должно быть установлено временное правление; кого вы полагаете способными к сему? Я говорил || (л. 60) бесомненно вы, которой сооружали должны и основать сие. Зная приверженность всех к нему зная весьма, что превосходство его над всеми, всегда проложит ему сию стезю к управлению — говорит однакоже мне — я не хочу быть уличен в личных ⁵ видах, к тому же у меня имя не русское все это не ладно; (Пестель говорит о влиянии имени) Я, ему Говорю что знаю очень, что упрекают вас в честолюбивых видах; впрочем вам предстоит слава Вашингтона, вы можете как он сейчас же удалится к числу частных Граждан, после водворения законного правления — ведь я полагаю

¹ Слово «как» вписано над строкой.

² Так в подлиннике.

³ Слова «давайте, мне говорит считать жертвы... дело ужасное» подчеркнуты карандашом.

⁴ Франц.: «дом вычищенным» и «истребить всех».

⁵ Слова «в личных» вписаны над строкой.

что временное правление не продлится более году а много много два; на сие он мне возразил о нет, не менее десяти лет — разделение земель одно возмет много времени; тогда я ему сказал что коль скоро так, то бесомненно многие устроятся сего продолжительного времени господства — на это мне сказал чтоже делать; а впрочем, между тем, можно будет обратить внимание общее на внешнюю какую ни будь меру, как то: объявить войну Порте и возстановить Восточную республику в пользу греков; таким образом, явима на поприще политическое с самими благонадежнейшими видами для прочих народов Европы. Здесь я усмотрел, сколько слава оружия даже входила в его мысли, и говорю ему: я совсем противного тому мнения и как не желаю освобождения греков и прочих народов, однакоже не забываю и Россию и || (л. 60 об.) в такое время нельзя ее уподобить Римской Республике; где народ заключался в одном граде, и что ¹ в случаях несгоды и раздоров, отклоняли его от внутреннего влияния к внешнему, объявляя войну; — говорил что мы уклонимся от цели нашей; что напротив должны всячески обращать внимание народа на новое устройство внутреннее, дабы тем самим доверенность его получить к новому переобразованию. На сем сие и кончилось. Я предложил Орлова и Митькова — он говорил о первом, что он слаб и не столь решителен сколько человек должен быть возведенный на сие место. Говорили о министерствах — здесь довольно щедро дарил клеветов своих местами, однакоже многих и не принадлежащих обществу называл. Что касается до вас, то вы в случае действия присоединитесь к Волконскому и Давыдову которой будет вами начальствовать. Сам же я поеду в Петербург взяв Барятинского с собой. Стал мне говорить что все, что то ему не благоприятствует; что Матвей Муравьев приехал из Петербурга, живет у себя в деревне, и по словам Лорера замечает в нем к нему холодность — что думает что его все дело Сергея Муравьева, которой хочет вовсе отклонитса враждя на него, Давыдова и прочих его друзей. Я ему говорил что сие не может быть, что Матвей Муравьев ему предан, что когда вас в Петербурге укоряли в честолубии он сказал, «такому честолубию я всегда буду ступенью первой»; а я говорил что после || (л. 61) такого примера трудно покушатся на власть и что естли бы я заметил сие в ком нибудь то первой того предал мести; конечно мне говорит, впрочем есть ли я один останавливаю все дело, то я удалю; — сего я ему говорил вы не должны и думать естли точно не имеете в чем сябя упрекать на щет сего обвинения — впрочем я поеду в Петербург и все увижу своими глазами. Я тут советовал ему сменить Муравьева Никиту. Тогда же мне говорил что может быть Цесаревич Константин Павлович будет изведен и что естли двор Императорской переселитса в Москву то сие там совершить действие. Просил меня сколько могу travailler ² Майбороду, Лорера и Старосельского — Майборода казалса ему весьма преданным. Я обещалса в пути моем через Орел, узнать нет ли негодований и естли можно основать что — он говорит ето будет Восточная управа и вы будете ею управлять. Общество тайное не должно было уничтожитса и как я говорил усиливатса еще более до нельзя и на всегда. Тут также мне сказал когда я кончу все сии дела то что вы думаете я намерен сделать? Не могу знать говорю, никак не отгадаете — удалю в Киево Печерскую Лавру и сделаю схимником! ето что за мысль?, тогда я возьмусь за веру — мне говорит ³ но на щет ето то ⁴ мы не говорили; я ему говорил что он не должен

¹ Первоначально: «чтобы».

² Франц.: «обработать».

³ Слова «мне говорят» вписаны над строкой.

⁴ Так в подлиннике.

... всегдашней стражей того дела которого он основал.
|| (л. 61 об.)

Таким образом растался я с сим человеком как будто бы чтоб уже более не встречался с тою же ужаснейшею доверенностью друг к другу. Около трех месяцев я находился в отсутствии — Мимоездом через Орел ни с кем не виделся и потому ничего не сделал. Приехав домой подал в Атставку — признаю что при разборе всех личных видов многих и даже мое собственное к тому уже на то рвение к тому меня, понудили — Все не желали сего особенно Волконский — Давыдов — Приехав на контракты в 1825-м Году были там Пестель и Бяратинский. Хотя нас много было однакоже все пошло в разлад, не было того единодушия, того прежнего единства. Муравьев и Бестужев не приезжали в Киев по запрещению корпусным их командиром, Лихарев брат были посватаны, я имел также свои развлечения, Давыдов дела. Волконский свадьбу — словом все его приводило Пестеля в негодование и он мне говорил вы все другим заняты, ни когда времени не имеете говорить о делах. Я видел его холодность ко мне, он замечал я думаю также и мою, и особенно нападал за то что выхожу в Атставку. Тогда он мне сказал, что республиканское правление принято и вообще все меры в Петербурге. Я имел говорит мне много сопротивления, но хлопнул рукой раз по столу и сказал: «также будет Республика». и я успел в том что они на то согласны. ¹ || (л. 62). Тогда приехал в Киев какой то Князь Яблоновский (о коем я показал) Пестель уже лично имел с ним сношения, но подробностей никаких мне не сообщал говоря, все хорошо, они ужасно сильны и только требуют чтоб мы начали а уже они обещают свое обещанное содействие. После того разговоры ни о чем другом не были как о отклонении Муравьева — Пестелю это из головы не выходило и как он не властвовал, как он однажды Бестужева раз приехавшего в Киев и не страшал (за его все так сказать безумные мысли, как между прочим и то что хотел начальствовать всей кавалерией и так вступить в Москву) однакоже Муравьева опасался ибо видел не признавая того, что сила вся была у него. Он имел Швейковского, Тизенгаузена, Муравьева капитана одного Вашим Превосходительством вчера упомянутым и коего я забыл, тогда когда у Пестеля ни кого небыло кроме Волконского — о сем я думаю не я один сказал способен ли он был к тому — опасался Пестель брата Муравьева, имеющего все связи в Петербурге; я его утешал и говорил не беспокойтесь, как Муравьев не отважен однакоже удара в воду не даст. Тут говорили о его проекте действовать при собрании корпусов — Пестель чтоб не охлаждать как останавливающий действие Говорил есть много хорошего и удобного в сем начале однакоже не верно — я его спросил чтоже в Петербурге будет? а туды, для сего поедет Матвей Муравьев и также предположенное совершит. Тут Давыдов сказал Поджио мнения ² всех, признаю и я того — так Пестель тут говорит улыбаясь «о да || (л. 62 об.) Поджио ужасной человек» — Я думаю сие слова ему помятны и он верно помнит что он хотел тем сказать — при сем был и Бяратинской я говорил что мое мнение здесь ни на что не покушатся — словом хотя Пестель более всякого и прежде всякого сие в своем уме положил — однакоже так и положено было что он не согласится на то требование Муравьева. Впрочем и сие самое Пестеля решение довольно странно, ибо его владычество какое было над Муравьевым? мнимое ибо как мне сам после Муравьев и говорил жаль что ты едешь на Кавказ, летом может быть что ни будь да сделаем; когда я ему го-

¹ Слова «Тогда он мне сказал...» и до конца листа отчеркнуты на полях карандашом и против них поставлен знак «NB».

² Так в подлиннике.

ворил на щет Петербурга, он мне сказал, что его т. е. Петербургские¹ дурные и безуспешные дела не остановят — что здесь даже и на Юге ни кто ничего не делает; упрекал всех в бездействии и говорил он что естли бы я Поджюно² был в Петербурге, то верно там бы дело шло бы; впрочем все равно, он тем более убеждается в решимости своей говоря: la masse n'est rien, elle ne sera que ce que voudront les individus que sont tout³ вообще я видел в нем непоколебимую решимость действовать во впреди всего — Матвей Муравьев которого я видел в Апреле Месяце в Киве тоже говорил и просил меня разведать на Кавказе о обществе Грузинском — с тем я расталса с ним. Забыл упомянуть⁴ что при прощании моем с Пестелем я ему говорил я всегда буду вашей партии и естли я вам нужен буду то напишите мне два слова. с естим я также расталса. После того в Мае Месяце отправился я на Кавказ где более удостоверился что общество там не || (л. 63) существовало ни какое — ибо сколько я там не видал людей сего в них не замечал кроме приверженности невероятной почти к Генералу от артиллерии Ермолову — но сие не есть к тому заключение. В Сентябре в конце прибыл я домой — В начале декабря Давыдов приехал от Пестеля и тут объявил решение управы не начинать ничего естли в Петербурге не приступит общество к действию. После сего последовали арестования и продолжение моих всех содействий и умышлений пояснил в показаниях моих 19-го февраля. —

Я начал сии дополнительные показания с обвинения самого себя; в продолжении не щадил себя, и кончаю, обвиняя себя еще во всем неистовстве моих содействий и умышлений. Не скажу чтобы я совершенно все слова до слова показал дело длившееся более трех лет вероятно заключало более того чего я показал — но важного ничего не осталось и потому прошу даже Вашего превосходительства не скрывать от членов уличение мое их в сих подробностях а в особенности Пестеля, Муравьевых — может быть они еще что прибавят и я душевно их возблагодарю за присоединение всего того что может служить к уличению моему. Так я ищу все мои преступныя деяния, насыщаюс терзаниями раскаяния моего, как я прежде насыщалса отравленными моими думами. Естли Ваше Превосходительство будете вынуждены представить сии дополнения, то да не осудит Его Импера- || (л. 63 об.) торское Величество мои поздние показания! Нет с 1-го дня заточения моего ни в чем не упрекну себя перед благодеяниями Государя моего! Так с 1-го дня я зачал вникать в ужас той цели к коей я стремился. Так верте Ваше Превосходительство⁵ словам моим, что человеку закостневшему в пороках злоумышлений, не дарует Бог того мгновенного полного раскаяния, которое Он дарит человеку минутно провинившемуся. Так я должен был объять умственно и душевно все свои преступления, должен был созреть в терзаниях моих и постепенно приходить в возрождение добродетели. По мере что оно возрастало, возрастали и признания мои, ибо признаюс при всем чувстве вины своей часто не имел духу того чтоб обнаруживать ея. Будьте снисходительны Ваше Превосходительство к слову длинному моему о всем раскаянии моем, но естли я наполнил четыре листа неистовствами своими то изливал в утешение мое, и сие мои усладительные для меня чувства. Верьте на конец Ваше Превосходительство сим последним моим словам, что чем более терзаниями моими прихожу в раскаяние мое, тем более углубляюс во всю вину мою и возмездие меня ожидаемое! Приимите Ваше

¹ Слова «т. е. Петербургские» вписаны над строкой.

² Фамилия «Поджюно» вписана над строкой.

³ Франц.: «масса ничто, она будет тем, чего захотят личности, которые всё».

⁴ Так в подлиннике.

⁵ В подлиннике описка: «Превосходительство».

Превосходительство все те искренния чувства конии душа моя к вам полна за все добродушныя убеждения ваши с самого начала в раскаянии моем. с честью всегда покорный вам

А. Поджио¹

12-го Марта || (л. 64).

№ 14 (13)²

1826 Года Апреля 16 дня от Высочайше учрежденного Комитета Отставному Подполковнику Поджио дополнительный вопросный пункт.

Подполковник Матвей Муравьев Апостол утвердительно показывает, что вы Говорили ему:

1) что на Маневрах в 1823-м Году Какой-то Преображенской Солдат выстрелил Шомполом в Его Императорское Высочество Великого Князя Михаила Павловича, и когда Полковник Исленьев велел осмотреть у солдат ружья, то Шомпола сказались у каждого из оных.

2) что Князь Валериан Голицын Хотел застрелить Полковника Исленьева за какую-то обиду, и что вы с трудом удержали его от исполнения сего намерения.

Против сего Комитет требует Положительнаго показания вашего с Свойственною вам Откровенностию:

а) Точно ли первое из означенных обстоятельств справедливо? б) каким образом, Когда, и от кого вы узнали об оном? с) неизвестно ли вам имя Солдата || (л. 64 об.) сделавшего выстрел, и не было ли Это следствие наущения Кого либо из членов общества? д) действительно ли Валериан Голицын покушался застрелить Полковника Исленьева и что было поводом к тому, где и Каким образом он хотел исполнить свое намерение и точно ли вы удержали его?

Комитету Известно, что вы находясь с Гвардиею в Виленской Губернии в прошлом 1821 м. Году Были в сношениях с членами Союза Благоденствия Шиповым и Луниным.

Объясните откровенно: в чем именно Заключались сношения ваши с Сими лицами, в особенности же, Каким образом вы познакомились с Луниным? что он Говорил вам О цели общества Которому принадлежал и о средствах, какия предполагались к ея исполнению? предлагал ли он Лунин покушение на жизнь покойнаго Государя, как мнение, или положительную мысль общества, или же просто как собственное его предположение? || (л. 65) и Кто находился при Разговорах ваших с Луниным? —

Генерал Адьютант Чернышев. || (л. 66)

№ 15 (14)

Высочайше учрежденному Тайному Комитету честь имею донести ниже следующее:

Хотя по прошествии долгого времени и в последствии ничего не оказавшегося о поясненном обстоятельстве, на шет оногo показания мои не

¹ Показания написаны А. В. Поджио собственноручно.

² В верху листа помета чернилами: «Читано 20 Апреля», причем последнее слово зачеркнуто чернилами двойной линией.

только не будут ясны, но скажу более может быть и вовсе не сходственны с истинной случившегося происшествия, но я сего не твердого моего показания не усташусь чтоб дать тем малейшее сомнение Высочайше учрежденному Комитету в сокрытии моем может быть, чего мне известного о сем обстоятельстве. И так скажу что не упомяну даже где сие произошло, точно ли на маневрах или как мне кажется в Петербурге; точно ли сими имянно словами Говорил я Матвею Муравьеву; когда, где и в каком огне¹; точно ли выстрел был направленный и умышленный; и точно ли Полковником Исленьевым при исследовании, шомпола оказался все. Впрочем естли я сие последнее упомянул то вероятно сие было, и потому Полковник Исленьев может быть не лучше ли меня помнит все это, естли оно так было. Какими я себя сомнениями не окружил, я, как служивший в том полку, я, как известный отважный по словам на преследования; я, на конец представляющий сие происшествие как изгладившим из памяти моей. Однакож естли бы память меня оставила, то совесть моя, естли бы я был причастен к сему делу, все черты его, хотя с трудом но ручаюс оказался бы во всем его черном виде. И так, ею же уверяю что ничего о сем деле я не знаю, не знаю ни солдата ни имени уверяю что никогда сего, ни тогда и никогда ни кому не внушал, и уверяю еще и то, что не уверен точно ли сей выстрел имел направление. Впрочем сего может быть мало для оправдания человека и для отклонения всякого от меня сомнения после дел моих, то представлю на вид тоже самое мое откровение в делах общества. Известно и усмотрено Высочайшим учрежденным Комитетом что я никогда ничего не утаивал от сочленов и в особенности в 1823-м Году где я был в самом воспалительном скажу положении. Князь Оболенский, Князь Валериян Голицын, Матвей Муравьев могут и *должны* || (л. 66 об.) естли что знают показать о сем деле: Говорил ли я им всем о сем; Говорил ли о сем как о деле моем, или кого из общества; и даже естли не говорил, то не намекал ли им о сем как действием моим? ужели бы я сие скрыл от них или кого другого из общества, между коими имел я вернейших друзей? На щет же того, что не по внушению ли кого другого из общества сие произведено, то также утверждаю что сие не может быть; ибо не может тому быть чтоб я сего не узнал, а естли бы знал что сие дело мое, или кого другого, то не может быть чтоб я его теперь не показал. Какое бы исследование не было сделано как по полку так и по обществу, о чем даже и прошу Высочайше учрежденного Тайного Комитета как милости, вперед утверждаю что все будет в пользу моего твердого слова. 2) Правда, что не упомяну за какую то неприятность или обиду Князь Валерьян Голицын хотел застрелить Полковника Исленьева; — но застрелить как сие говорит в несчастных сих случаях обиженной — но не потаенным образом а вышедши в Атаставку и вызовом Полковника Исленьева к удовлетворению за принесение К. Голицыну обиды. Я ему сие отсоветывал, а впрочем моими ли убеждениями или собственно своими он предал сие забвению, то предоставляю Князю Валерияну Голицыну сие показать как лучше свое сердце ведущий, ибо по выходе в Атаставку он мне ничего о сем не писал.

3) Еще с 1820-го Года я бывал в сношениях с Полковниками Шиповыми у которых я встречался с Никитой и Сергеем Муравьевыми, с Чедаевым. Не говоря о обществе говорили часто о правительстве. Я довольно понимал цель разговоров хотя ни кем из них не был принят в общество — В 1821-м Году || (л. 67) Я встретился с Луниным в Бельмонте где он тогда проживал. Так как вышепоясненные лица были ему из родных и коротких друзей, то коснувшись к ним коснулись и к образу мыслей их, и нашего собственного.

¹ Так в подлиннике.

П. Шипов дотогу мне говорил там же что он его знал как весьма свободо-мыслящего и весьма умного человека. Все это меня с ним сблизило а дней несколько спустя мне Шипов предложил не хочу ли я вступить как членом в общество — Я но¹ то скоро то есть сей час же согласился будучи еще прежде к тому склонным и приехал вместе к Лунину он Шипов о мне Лунину Говорил. Лунин сказал что он очень рад поедит в Петербург и внесет меня в книгу, после чего я буду признан членом общества. Не помню при Шипове или без него Говорили о мерах и цели общества. не помню имянно, как свое ли мнение или целью общества он мне говорил о покушении на жизнь Покойного Государя но я с ним согласен был. Помню давал мне зеленую рукописную книгу, о цели сей там ничего не сказано; но я по всему слышанному от членов многих уверен что сие было целью общества — но не всех членов. Средства которые он предполагал то меры самые что и наше, те же что и прежде мне были известны произвести сие возманием войска. Говорил мне что Риего с одним баталионом сие произвел в Испании. Уверен я что естли бы Лунин там остался то мы бы склонили к сему и других. Помню что я ему о Валерияне Голицыне Говорил и он сам его видел и что его также должен был принять. Впрочем говорили мы с ним о не² сем одном но так как я после сего его потерял из вида то и не останавливал мыслей на наших с ним сношениях. Он уехал в Петербург там возымел мысль вступить в службу и на возвратном пути || (л. 67 об.) прожил 4 дня в Бельмонте. Он уехал не выдавшия ни с кем и проезжая мимо моего дома на разсвете велел человеку моему сказать что он незаехал ко мне чтоб не беспокоить меня. Таким образом я остался не зная и по днесь включено ли было мое имя в Зеленую книгу. С тех пор то есть с 1821-го Года я Лунина не видал, и ничего не слыхал о нем уже в возобновившемся обществе; знаю что сношений с обществом³ никаких не имел, по крайней мере о сем ничего не слыхал; что вероятно Муравьевы как родственники ему, мне бы передали. Полковник Шипов с 1823-го Года вовсе уклонялся от общества, хотя знал о возобновлении оного. — Вот все что упомню о сих сношениях моих с поясненными лицами.

Отставной Подполковник П о д ж и о⁴
Генерал Адъютант Ч е р н ы ш е в. || (л. 68)

№ 16(15)

1826 года Апреля 21-го дня от Высочайше учрежденного Комитета Подполковнику *Поджио* дополнительный вопросный пункт:

Полковник Давыдов показывает, что на совещании, бывшем у него в Каменке в конце 1823 года, где присутствовали: Пестель, Князь Волконской, Сергей Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин и Граф Полиньяк, — кажется ему, что и вы находились.

Поясните откровенно: действительно ли вы были на том совещании и что на оном происходило?

Генерал Адъютант Ч е р н ы ш е в

¹ Так в подлиннике, вероятно «на».

² Так в подлиннике, вероятно «не о сем».

³ Первоначально: «с ним».

⁴ Показание написано А. В. Поджио собственноручно.

Высочайше учрежденному Тайному Комитету честь имею пояснить, что Полковник Давыдов ошибся вероятно в показании своем. Выехав из Петербурга в конце 1823-го Года я болезней был задержан на дороге и приехал уже к контрактам в Киев 26-го числа Генваря, и потому не мог ни как быть на упомянутом совещании.

Отставной Подполковник Поджио¹
Генерал Адъютант Чернышев. || (л. 69)

№ 17 (0)

Выписка из показаний
о Подполковнике Поджио².

Кто показывает	Содержание.
Князь Волконский	В 1822-м Пестель писал к Н. Муравьеву чрез Поджио служившаго тогда в Преображенском полку, по делу сего Общества.
Бестужев Рюмин.	В декабре 1825-го Поджио приглашал его Волконского к возмущению 19 дивизии для освобождения Пестеля чрез письмо Янтальцова доставленное; но он отказался.
Давыдов	Братья Поджио знали о совещаниях 1824. у Пестеля Давыдова Бороздиной и в лагере на счет покушения против жизни Государя при Б. Ц. ³ (:дополнитель. пункт 1.):
	Знал о письме Поджио к Волконскому на счет возмущения 19 дивизии и о намерении писать в Петербург для Цареубийства (:дополнит. ответы 1 и 2)
Штабс Капитан Поджио	О том что Артамон Муравьев присягнул на Евангелии покусится на жизнь Государя сказывали ему Младший Поджио или Пестель (6) (л. 69 об.)
	Брат его писал к Волконскому о возмущении 19 дивизии и намеривался ехать к Сергею Муравьеву и в Петербург для покушения на жизнь Государя говорил потом у Янтальцова о удобном случае покусится против Императорской фамилии в Москве при коронации допол. 4.
Давыдов. —	Одобрял разказ Бестужева в 1824-м у Давыдова о изгреблении Императорской фамилии.
	Подполковник Поджио ошибается. Он говорил Пестелю; чтоб послать за Матвеем Муравьевым для удержания брата его Сергея от начатия действий (дополн. 4).

¹ Ответ написан А. В. Поджио собственноручно.

² Над документом карандашная слабая запись: «Поверить».

³ Слова «при Б. Ц.» вписаны над строкой.

Он оспаривал предприятие Поджио на счет возмущения 19 дивизии говоря, что на Волконского надеяться нечего, что без Пестеля полк его не пойдёт и прочее (дополн. 5) || (л. 70).

Князь Волконский

Отрицает показываемое Поджио, что Пестель еще в 1824 году полагал Арестовать Главную Квартиру и соединить полки 19 Дивизии с Вятским, говоря, что нашел соучастников в оной кроме его Поджио в 1824 а Фохта в 1825 г. (допол. 4) В поездку свою в Петербург в 24 году он Волконской привозил от Поджио письмо к Оболенскому и от сего последнего к Поджио в конце 1824 (допол. 8).

Подполковник
Янтальцов

Подполковник Поджио не неоднократно говорил, что нет решительного и предприимчивого человека начать возмущение, и что в гвардии много *Офицеров и даже солдат готовых к содействию.*

Лихарев.

Письмо Поджио к Волконскому читал и об отказе его узнал у Янтальцова Поджио предлагал свои две а Давыдов говорил || (л. 70 об.) что мало шести рук; Поджио говорил о удобстве покушения при коронации; он имел предположение письменное о произведении возмущения 19 дивизии подтверждает показание Штабс Капитан Поджио. (дополнение 1, 2, 3, 4)

Янтальцов

Когда Поджио говорил о намерении его покушиться на жизнь Государя то он Янтальцов сказал ему, что *Это дело трудное* и вряд ли найдутся к тому люди то он Поджио отвечал «Есть да не здесь, отставный какой то Муравьев Князь Оболенской и еще кто то не упомянут».

Отрицает показание Поджио, что будто бы он соглашался вместе с ним действовать против — Императорской фамилии в Москве при коронации и с сылается в том на старшего Поджио и Лихарева, кои были при их разговоре. || (л. 4).

№ 18 (0)

Об отставном Подполковнике Поджио ¹.

Подполковник Поджио сознался, что при проезде его в 1823. Году чрез Киев принят в Тайное общество Василием Давыдовым и Сер. Муравьевым; а в последствии времени сам принял Фохта и Князя Валериана Голицина. При вступлении объявлена ему цель введение представительного Монархического правления.

В том же 1823. Году, по возвращении в Петербург, Поджио участвовал в совещании у Пуцина, где приметно начиналась возбуждаться || (л. 4 об.) ²

¹ Ниже заголовка на полях помета карандашом: «№ 11».

² В низу листа помета чернилами: «№ 9», и ниже: «Читана 5-го июня 1826».

деятельность. Он составил для общества новые правила из данного ему Никитою *Муравьевым* литографированного листа, содержавшего начертание правил Союза Благоденствия. В них изложил цель общества глухо — введение представительного правления, поместил также, что при возмании все должны соединиться под знамена свободы, а предатель отдается на месть всего союза и внесется имя его в черную книгу. Но правила сии не приняты.

Поджио во время переговоров || (л. 5) Южного общества с Северным о принятии общему целию водворить республиканское правление с истреблением всей царствующей фамилии, не только виделся с посланными для сего в С. Петербург *Князем Барятинским* и *Матвеем Муравьевым Апостолом*, сам одобрял таковую меру, но передавал мнение сие другим сочленам. И в бытность у *Оболенского* сказал *Митькову*, что самый приступ к действию для исполнения цели общества должно начать покушениями на жизнь всей царской фамилии.

Отправившись на Юг *Поджио* был во всегдашних сношениях с главнейшими || (л. 5 об.) и другими членами Южного общества; он рассказывал им о медленных успехах по Северному обществу и разногласии на счет принятия республиканского правления и истребления всей царствующей фамилии; и подтверждал мнение *Матвея Муравьева Апостола*, о необходимости сменить *Никиту Муравьева*, как удерживающего ход общества. *Поджио* до Сентября 1824-го года оставался в бездействии, ибо видел большое самоуправие*; но *Пестель* || (л. 6) заметя его холодность завлек его в суждения политические, сильными убеждениями доказав превосходство республиканского правления и до того воспламенил *Поджио*, что он готов был на собственную гибель, как сам выражается, для блага всех. При сих мыслях *Пестель* ввел его в заговор совершить невероятные покушения: «давайте, говорит ему, считать жертвы, и руку свою сжал, чтоб производить сей ужасной счет по пальцам».

|| (л. 6 об.). *Поджио* называл, а *Пестель* считал, и роковое число было тринадцать. Тогда *Поджио* сказал: ужасу сему конца не будет, ибо у всех Великих Княгинь есть дети, а по его мнению достаточно провозгласить отрешение от всякого наследования. Наконец *Пестель* начал щедро дарить своих клеветов местами, «и сказал *Поджио*; что касается до вас, то в случае действия присоединитесь к *Волконскому* и *Давыдову*». *Поджио* по аресто-

* Сергей *Муравьев* действовал независимо, а Северное общество слабо возрастало. (Примечание в подлиннике.)

вании *Пестеля*, || (л. 7) жалея о нем и представляя неизбежную всех гибель, предстоящую при открытии общества, решился начать действия; для сего хотел поехать к Сергею *Муравьеву Апостолу*; но предварительно писал к Князю *Волконскому*, и убеждал его с имеющимися средствами спасти *Пестеля*. Полагая присутствие его *Поджио*, Князя *Волконского* и *Фохта*, достаточным к склонению полков 1-й Бригады, за коей последуют и другие, думал привести в исполнение план || (л. 7 об.) *Пестеля*, соединив оныя с стоящим смежно вятским полком и сделав нападение на Тульчин, арестовать первые лица главной квартиры 2-й Армии. —

Когда *Поджио* письмо свое к Князю *Волконскому* читал Василию *Давыдову*; то сей оспаривал возможность открыть действия и полагал, что оныя должны начаться в Петербурге истреблением Государя. *Поджио* предложил свои две руки, сказав: «вы узнаете, что в такой день Государь уже || (л. 8) не существует» а на слова, *Давыдова* что две руки ничего незначат, тут надобно шесть, отвечал, что когда я говорю о своих двух руках, то оне стоят сто рук разумея здесь общество *Муравьева*, *Оболенского*, Князя *Вал. Голицина* и *Митькова*, которые были одинаких мыслей и всегда готовы к действию, и на прочих членов общества. *Поджио* присовокупляет, что покушение на жизнь Царской фамилии было предположено первым началом действия, и что сие || (л. 8 об.) ужасное преступление имело общее всех согласие.

22-го Декабря, *Поджио*, разсуждая с *Янтальцовым* о сем же предмете, предполагал, что *Муравьев* (Сергей) вероятно что нибудь да предпримет и что для сего непременно ему должно с ним видиться и иметь верное решение здешних членов, и что тогда он поедет к Сергею *Муравьеву*; Матвей же *Муравьев* должен отправиться в Петербург, а сам *Поджио* возвратится домой и после контрактов поедет в Петербург || (л. 9) чрез Ригу, где имеет собственное дело, и там, может быть, встретяся с *Вольским*, успеет его склонить к содействию. Потом 26 Декабря, по получении отрицательного ответа от Князя *Волконского*, *Поджио* говорил *Янтальцеву*, что если дело не примет милосердаго оборота; то при Коронации будет случай приступить к покушению на жизнь царской фамилии; на что *Янтальцев* отвечал: вот его мое мнение — дожидаться какой оборот примет дело и до того || (л. 9 об.) ни на что не покушаться. Таким образом было решено ничего не предпринимать и *Поджио* отложил намерение ехать, а ожидать участи своей у себя в деревне.

Поджио вообще является пламенным членом общества, неукротимым в словах и суждениях.

Он 29. Декабря, когда в доме его арестовали *Лихарева*, сказал брату своему: «друг мой! теперь я должен исполнить обещание роковое, спасу вас от гонений; простись со мною я тут же мертв паду! я преступления не переживу!» || (л. 10) Потом при прощании с братом говорил: «я увижусь с вами. я к *Муравьеву* присоединюсь» *Поджио* в доказательство не основательности таковых слов объясняет, что говорил его, когда известно ему уже было, что Генерал Лейтенант Ротт, преследуя *Муравьева* лично с артиллерию, стеснил его и дело должно быть кончено. Сверх того Генерал Набель, приехавший для арестования его, тоже говорил, что дело *Муравьева* уже кончено. —

Сверх выше изложенного *Поджио* чистосердечно признался || (л. 10 об.) еще в следующем: 1-е, что слышал от *Муравьева* (Матвея) о покушении на жизнь покойного Государя, которое было замышляемо в Москве в 1817. году под управлением *Александра Муравьева*, и что назначены уже были час и место.

2-е) От него же; что *Пестель* имел намерение исполнить сие злодеяние набором особых людей под названием: *La garde perdue*¹

3-е) что *Сергей Муравьев* и *Бестужев-Рюмин* имели сие самое злоумышление в Бобруйске || (л. 11) и потом при осмотре 3-го Корпуса, для чего уже были заготовлены солдатские мундиры, в кои должны нарядится участники в умысле и сменив часовых, совершить злодеяние ночью.

4-е) в 1824 Году в бытность его *Поджио* у *Пестеля*, сей показал ему донесения *Бестужева-Рюмина* о сношениях с Польским обществом, где именно требовано покуситься на жизнь Цесаревича, что и было Польскими членами обещано.

5) Он же *Пестель*, говоря || (л. 11 об.) ему о плане введения чистаго народного правления, сказал, что для исполнения сего нужно теперь надежнейших 12-ть человек, коих набор предоставил он Борятинскому. —

Сии меры *Поджио* одобрял.

Правитель дел Боровков. || (л. 3)

№ 19 (0)

Южного общ. № 9-й
Об отстав. Подполковнике *Поджио*

1-е Сила вины:

Подполковник *Поджио*² признался что он принят в Южное Тайное общество в 1823-м году,

¹ Франц.: «Обреченный отряд», т. е. отряд цареубийц.

² Первоначально: «подполковник *Поджио* принят в ...», слова: «признался что он при...» вписаны над строкой другой рукой, чем основной текст.

Составил для общества новые правила из данного ему Никитою Муравьевым литографированного листа ¹

и был пламенным членом оного; сам принял Фохта и князя Валериана Голицына; находился при совещании Южного Общества с Северным о принятии общей целию водворить республиканское правление с истреблением всей царствующей фамилии, сам одобрял сие мнение и передавал другим сочленам; слышал от Матвея Муравьева о покушении на жизнь в Бозе почившаго Государя, замышляемом в Москве в 1817-м году; вместе с Пестелем изчислял ² обреченных ими в жертву лиц царской фамилии ³; предлагал свои две руки; слышал от Пестеля о намерении ⁴ совершить цареубийство набором особых людей; знал о злоумышленном предприятии на жизнь покойного Государя в Бобруйске и потом || (л. 3 об.) при осмотре 3-го Корпуса; равно знал о покушении на жизнь Цесаревича и видел о том донесение Бестужева Рюмина о сношениях по сему предмету с Польским Обществом. По арестовании Пестеля Поджио решился начать возмущение в войсках ⁵; в последствии же говорил с Янтальцевым, что ежели дело не примет милосердаго оборота, то при коронации будет случай покуситься на жизнь царской фамилии.

Обстоятельства принадлежащая к ослаблению вины:

Готовность ⁶ при первых допросах ⁷ раскрыть все известное ему Поджио и раскаяние в поступках его.

¹ Слова «Составил для общества новые правила из данного ему Никитою Муравьевым литографированного листа» вписаны на полях другой рукой, чем основной текст.

² Первоначально: «считал».

³ Далее зачеркнуто: «был в всегдашних».

⁴ Далее зачеркнуто: «исполнить».

⁵ Далее зачеркнуто: «арестовав».

⁶ Первоначально: «показание».

⁷ Далее зачеркнуто: «и раскаяние».